

ludvik ashkenazy

**a little black
casket**

людовик ашкенази ■ ludvik ashkenazy ■ a little black casket

ЛЮДВИК АШКЕНАЗИ

черная шкатулка

**Ludvík
Aškenazy
Černá
bedýnka
Songy
balady
a romány
Mladá
fronta
1964**

Людвик Ашкенази

ЧЁРНАЯ ШКАТУЛКА

*Перевёл с чешского
Александр Лейзерович*

СОДЕРЖАНИЕ:

Вступление	Нагасаки
Крик	Восприятие
Кто ты?	Босоногая
Решётка	Глаз
Вопросы	Молитва
Житейская мудрость	Связь
Игра	Телефон
Дороги	Блюз о квартплате
Эшалоны	Мужчины
Оккупация	Красота
Вылезай же	Марихуана
Некролог маленькому Морицу	Сигареты
Смерть	Очередь за счастьем
Баллада о почтальоне	Судьба
Букетик	Картинки
Первый день	Перекрёсток
Стена	Прорицатель
Духовой оркестр	Доброе старое время
Солнышко	Как мы сделали мир

Москва, 1964 – Praha, 1966 – St. Louis, 1997 – Mountain View, 1999
Набор С.Креймер
2002, All Digital Club, Sunnyvale, CA

Предисловие переводчика

Книга Людвика Ашкенази «Cerna bedynka» - «Чёрная шкатулка» была написана и вышла в Чехословакии на чешском в 1964 году. Очень быстро она была переведена и выпущена издательством Artia на русском, английском, немецком языках. К сожалению, переводы эти были сделаны, мягко выражаясь, ремесленно и хотелось дать полноценный эквивалент «Чёрной шкатулки» на русском. По плану издательства «Художественная литература», такая книга должна была появиться в свет в 1969 году. К этому времени значительная часть переводов из «Чёрной шкатулки» была опубликована – главным образом, в «Неделе» (приложении к газете «Известия»), некоторые вошли в сборник избранных произведений Людвика Ашкенази «Всюду встречались мне люди...», выпущенный тем же издательством в 1967, их читал в концертах и по радио Вячеслав Сомов, они были положены на музыку Алексеем Рыбниковым и Михаилом Таривердиевым (в своей книге воспоминаний «Я просто жил» Таривердиев пишет, что его вокальный цикл на слова Ашкенази исполняла Елена Камбурова – к сожалению, не слышал), ставились на сценах студенческих театров и т.д. Всё это разом кончилось в 1968 году – с концом «Пражской весны», задушенной советскими войсками, вторгшимися в Чехословакию. «Чёрная шкатулка» стала одной из примет 60-ых годов и осталась такой в памяти людей этого поколения – и из бывшей Чехословакии, и из бывшего Советского Союза.

«Чёрная шкатулка» – книга стихов и фотографий. Фотографии не иллюстрируют стихи, и стихи не служат подписями под фотографиями. Часть фотографий, сделанных лучшими чешскими мастерами, известна по фотоальбомам и популярному в своё время журналу «Чешское фото», часть – принадлежит безвестным фотолюбителям. Стихи, вошедшие в «Чёрную шкатулку», не похожи друг на друга. Большинство их написаны так называемым «свободным стихом», верлибром – без рифмы и соблюдения канонических стихотворных размеров, будучи скреплены внутренним ритмом и поэтической логикой построения. Небольшая часть – сохраняет все внешние приметы стиха, но при этом как бы восходит к самым истокам поэтики: колыбельной, плачу, песне. При всей значимости, как выражаются литературоведы, «изобразительного ряда», «Чёрная шкатулка» – это прежде всего голоса разных людей, переплетающиеся друг с другом и с голосом автора. Наверно, в этом нашёл отражение долгий опыт работы Ашкенази на радио.

Людвик Ашкенази родился в 1921 году. Учился в университете города Львова на факультете славистики. В 1939 году, когда советские войска вошли в Западную Украину, он, как и многие другие, был интернирован и вывезен в Казахстан. В 1942 году вступил в Чехословацкий корпус полковника Свободы (потом – генерала, потом – президента Чехословакии) и с ним вернулся на родину. Учился в пражском Карловом университете, потом работал на радио, был журналистом, написал получившие широкую известность и переведенные на многие языки, в том числе и русский, книги рассказов «Майские звёзды», «Брут», «Этюды детские и недетские» и др. В 1968 эмигрировал из оккупированной Чехословакии, и долгие годы узнать что-либо о его дальнейшей судьбе не удавалось – само имя Ашкенази, как и многих других чешских и словацких писателей, журналистов, учёных, политиков, было под запретом и в Чехословакии, и в СССР. Только недавно удалось узнать, что жил он в Германии, писал радиопьесы и сказки для детей, умер в 1986 году в городе Бальцано, в Италии, так и не увидев больше своей Праги.

В настоящее издание вошли прежние, заново отредактированные переводы на русский и сделанные уже в США переводы на английский.

А. Лейзерович

ВСТУПЛЕНИЕ

Животные не смотрят в зеркала.
Живут и умирают, перед смертью
не подводя баланса. Не жалеют
ни о прошедшем, ни о прошлом, ни о прожитом.
Сражаются, страшатся смерти,
в промежутках между сраженьями – плодятся.
Пёс Канга
мир воспринимал глазами своего хозяина,
но он не стал философом.
Животным фотоаппарат не нужен –
они уходят в джунгли леса
от джунглей жизни, джунглей нашей мысли.
Если бы у тигра был карман на брюхе,
он не носил бы в нём ни фотографий,
ни прядки золотистой шерсти.
Зато почти у каждого из нас
на полке есть альбом,
в котором мы храним себя:
своих детей, своих друзей, свою страну, свои
воспоминания – воскресшие секунды
(те, что были, и те, которых не было).

* * *

Я встретил девушку...
изящную и стройную, как умная овчарка колли.
Вместо сумки
она носила чёрную шкатулку,
шпагатом перевязанную накрест.
«У каждого своё, - она сказала, -
а я ношу с собой весь мир».
Мы поднялись на крышу ресторана
и там она открыла чёрную шкатулку.
Её переполняли лица,
лица и глаза,
глядящие в глаза друг другу.
Там были близкие, родные, разделённые
различными событиями, судьбою, цветом кожи.
Их лица были выбелены светом
и, одновременно, пропитаны тенями:
лица святых, солдат, судей и осуждённых -
в снопе света -
немые чёрно-белые баллады.

КРИК

Родился человек и
кричит.
Никто его не понимает,
но все улыбаются.
Это я! – орёт человечек. –
Я пришёл жить.
Вы мне рады?
Среди добрых людей
и в хорошее время ли я родился?
Цвет моей кожи,
графа в анкете –
они мне в жизни не помешают?
Не грозит ли война?
Рабство уже уничтожено?
Можно дышать?
Так - спасибо!

КТО ТЫ?

Ужасно хотелось бы поговорить с тобой, рыбонька,
дождаться твоих первых слов,
услышать, как ты произносишь: небо, вода, трава...
Я шепчу тебе: Кто ты? Кто ты, мой незнакомец,
мой молчаливый пришелец?..
Скоро ты вырастешь, станешь настоящим мужчиной...
Неужели ты станешь таким, как тысячи:
пахнущим злобой, азартом, водкой,
казарменным потом, кровью из дёсен...
Неужели ты будешь хрипеть на кого-то:
«Вперёд., ублюдки, пока я не раскровавил вам морды...»

Кто ты, рыбонька? Моя золотая рыбка...
О чём ты думаешь, глядя на меня своими раскосыми
глазками?

РЕШЁТКА

Целый год, целый год,
прежде чем человек узнаёт,
что земля и небо не ограничены сеткой.
Что решётка – верёвки,
привязанные за два крючочка.
И однажды человек поднимается
над своей первой решёткой.
Растопырив ножки, смеётся,
и ничто его не держит...
С этого дня мама
начинает бояться за сына
и никогда уже не перестанет...

ВОПРОСЫ

Труднее всего, когда дети задают вопросы.
Хуже всего, когда они начинают спрашивать:
Зачем? Когда? Где? Почему?..
За что?
Труднее всего, когда на вас смотрят
чистые глаза ребёнка:
чёрные или карие, зелёные, голубые,
голубые до потери дыхания,
как небо с чёрной точкой.
Дети смотрят на вас снизу вверх
и задают вопросы.
Все дети на Земле родились после войны,
во время войны...
А эти? – неужели перед войною?

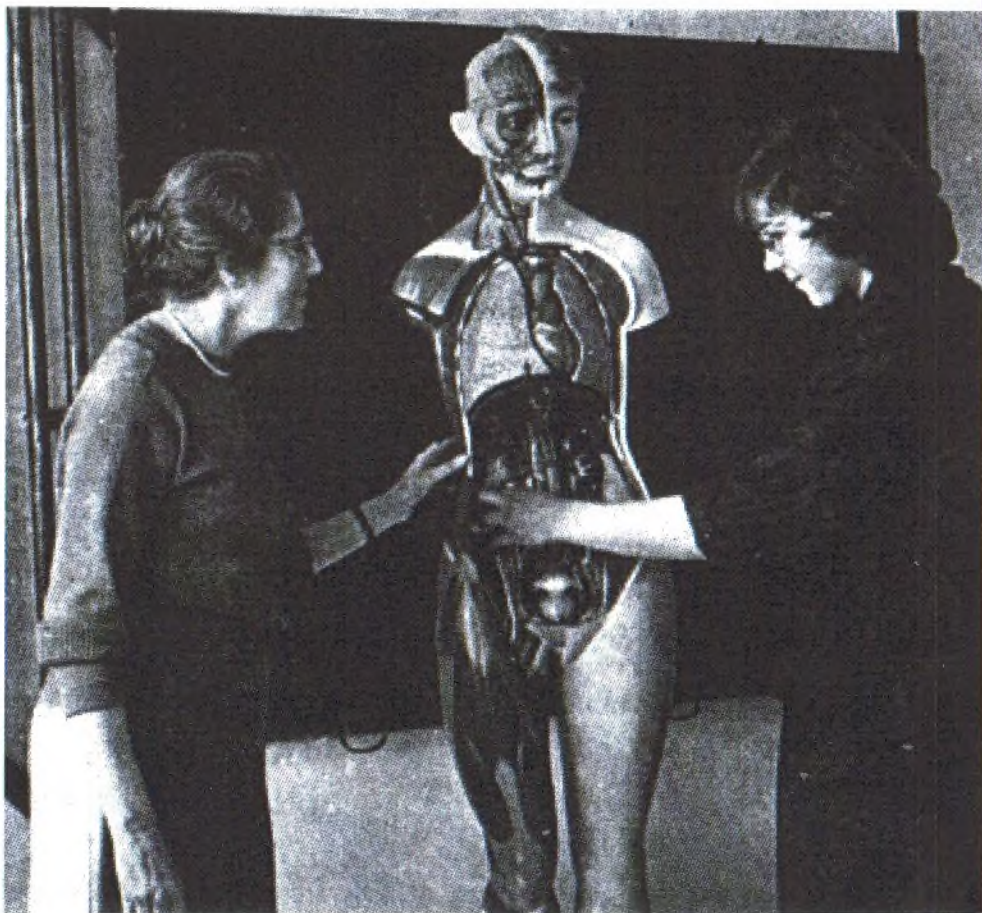
ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Однажды человек узнаёт,
что он принадлежит к поколению.
Носит узкие брюки или короткую юбку,
томик Рембо или перстень на пальце,
шляпу типа сомбреро
или конский хвост вместо причёски.
Отец его не понимает. Он принадлежит
к другим поколениям.
Считается, что полагается
рано вставать и рано ложиться;
кто рано встаёт, двигает горы;
любишь кататься – полезай в кузов;
любовь – не картошка, сердце – не камень;
на безрыбьи и рак свистнет;
сколько волка не корми – не в коня корм;
не рой другому яму, из окна не высовываться,
с водителем не разговаривать,
осторожно – окрашено!
Ну?!
Для каждого поколения заготовлена мудрость
отцов и прадедушек,
и всё-таки каждое поколение хочет
узнать жизнь с самого начала!

ИГРА

Больше всего люди любят
играть шариками:
глиняными, стеклянными, оловянными, деревянными,
золотыми, свинцовыми шариками – в винтовках,
своими собственными – в черепных коробках,
главным Шаром Земным, на котором сами
себе хозяева
мы живём без прописки, задаром.
А Шарик терпелив и снисходителен к нам,
как старая рабочая лошадь к детям –
катает на своей спине
и старается, чтобы мы не упали.
Держитесь, дети!

ДОРОГИ

Я не знаю, было ли это на самом деле –
может быть, только случится...
Один человек, один из многих,
тех кто свято верит в справедливость
общепринятых истин,
полагал, что все дороги ведут в Рим.
Так шёл он и шёл, но до Рима
всё никак не мог добраться,
а он твёрдо верил, что дороги
существуют затем, чтобы дойти по ним, куда надо.
Так шёл он и шёл, и всё ждал,
когда же покажется Рим,
но каждый раз оказывался там,
куда попасть и не собирался.
И вот в одной из стран,
куда как раз были введены наши вооружённые силы,
человек вышел из строя, сошёл на обочину,
треснул прикладом о камень,
вылил коньяк из напоясной фляги и,
обратившись к какой-то женщине,
взял на руки её ребёнка, сказавши:
«Простите, пани, и не смотрите на меня так сурово –
я только хотел добраться до Рима,
а винтовку я взял, потому что мне дали...»
Это было чревато международным конфликтом!
К счастью, находчивый взводный, ефрейтор Цайтхиммель,
точным выстрелом прикончил мерзавца
и приказал закопать у дороги.
А весь взвод
был страшно зол на того человека,
за то что он вылил коньяк
на дорогу.

ЭШЕЛОНЫ

(песенка на старый мотив)

Эшелоны, эшелоны,
перезвоном колокольным...
Котелки дымятся паром,
отвалившись, лезь на нары,
днища выскребают ложки,
кто наелся, дрыхнет в лёжку,
бабу бы с собой в дорожку...

Провода бегут за дверью.

...итс э лонг вэй ту Типерери.

Путь далёкий, путь не новый,
береги своё здоровье,
всё - как прежде, всё - как было,
всё покрыто белой пылью:

зелень и бетон платформы.

Чёрный палец семафора
снова тихой летней ночью
путь на кладбище пророчит.

Вдаль бегут колёса красные.

Кто их красной краской красит,
словно маленький ребёнок -
не солдат ль непогребённый?

Эшелоны, эшелоны,
как гробы ползут вагоны.

Эй, приятель, там, с гармонью,
ну-ка, выдай похоронный!

Выбирай надгробный камень,
над тобою скажут Amen.

Дан приказ. Да, видно, поздно -
под обстрел попал весь поезд.

Эшелоны, эшелоны,
перезвоном колокольным.

Пахнет мясом, мухи вьются,
те, кто сыты, не проснутся,

жмётся Смерть костлявой грудью...
Пусть земля вам пухом будет!

ОККУПАЦИЯ

Генерал с холма оглядел окрестность и возгласил:
Земля побеждённая
сочилась доньше млеком и мёдом.
Дабы и дале так продолжалось:
молоко сдавать на приёмные пункты,
мёд – в интендантско, √ Т
оружие – в ратушу,
евреев собрать на стадионе,
трудоспособных регистрировать в школах,
полы вымыть, постелить чистые простыни,
объявляется военное положение.

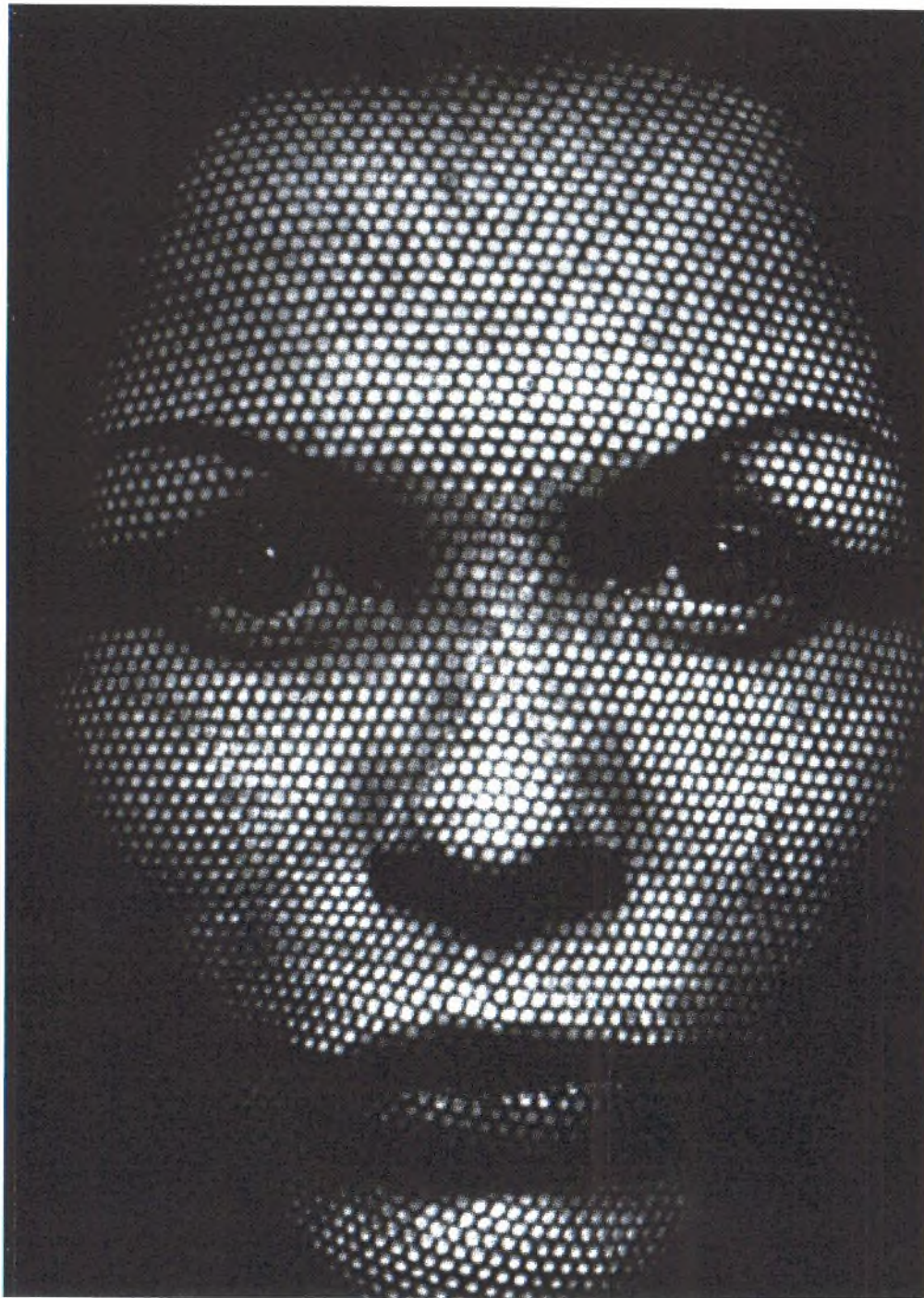
С оккупированного балкона
офицерство любовалось заходом солнца.
Поздравляли друг друга со славной победой,
удивлялись – “как это раньше
мы не учитывали эту замечательную страну
в наших стратегических предначертаниях. Право же,
это было серьёзной ошибкой!”

ВЫЛЕЗАЙ ЖЕ!

Вылезай, дорогой! Вылезай, не бойся!
Что тебе так понравилось в этой канализации?
Это для крыс, а не для таких чудных жидочков.
Ну ещё чуть-чуть. Отдышись немного.
На лёгкие не жалуешься?
Такой человек – и прячется от нас в канализации.
Как тебя звать? Кон? Кац? Рабинович?
Ну подыши ещё. Можешь подышать
ещё пару минуток.

НЕКРОЛОГ МАЛЕНЬКОМУ МОРИЦУ

За событиями Второй Мировой
никто не вспомнил о маленьком Морице.
Последний вопрос его был: “Пан учитель,
Откуда произошло слово ‘гетто’?
Может быть, от
Гёте?”

СМЕРТЬ

Одна рота так долго пробыла на Восточном фронте,
что отгрохала себе землянку,
самую роскошную на всём протяжении фронта.
Сама Смерть забегала сюда погреться.

Каждый раз для неё крутили пластинку –
песню ландкснехтов времён Валленштейна.
Смерть слушала, склонив череп к рупору,
и казалась себе снова молодой и влюблённой.
Капитан Курцбюндиг, командир роты,
приносил для неё обед из офицерской столовой,
и Смерть заключила с ним молчаливое соглашение:
в роте Курцбюндига потерь не было.

Однажды русской метельной ночью
часовой Вагнер ворвался в землянку,
похожий скорее на снежную бабу, чем на солдата.

- Посмотрите на него, - заорал Курцбюндиг, -
И в таком виде ты собираешься маршировать
по Красной площади?

Это тебе не на гражданке пиликать на скрипке!
- Господин капитан, - отрапортовал Вагнер, -
Разрешите доложить. Я сейчас видел Смерть,
она кивнула мне и сказала "Иди ко мне,
майн "кляйн маэстро!"

- Хватит! - гаркнул Курцбюндиг, -
не хочешь участвовать в параде – не надо,
доставишь посылку моей супруге Эльфриде,
Нюрнберг, улица Ганса Сакса, 16а.
Отвезёшь ей иконы и сало. Оформишь отпуск
по семейным обстоятельствам.

Вот так это было.

В эту ночь впервые капитан Курцбюндиг повздорил
со Смертью.

- Что с тобой? – удивилась Смерть. - Ты сегодня не в духе.
Поставь-ка лучше мою пластинку.

- Не тяни свои костлявые грабли к моим парням, -
сказал Курцбюндиг, - они и так нервничают
и похожи на перепуганных снежных баб.

- Ах! - возразила Смерть, - если ты имеешь в виду
маленького Вагнера, так я только хотела, чтобы он
поиграл мне немного на скрипке. А кстати,
что он здесь делает, когда мы должны с ним встретиться
через неделю в Нюрнберге, улица Ганса Сакса, 16а?

БАЛЛАДА О ПОЧТАЛЬОНЕ

Девятого мая сорок пятого года
нашего летоисчисления
почтальон Аугуст Матушка
пришёл на улицу Иммануила Канта
и увидел, что улицы не существует –
только табличка с названием улицы,
только несколько закопчёных фасадов,
чёрные дыры вместо окон
и, конечно, катушка с чёрными нитками,
и, конечно, белая детская лента,
и пепел, пепел,
конечно же, пепел.
Хорошо, что в сумке Аугуста Матушки
лежало только одно письмо
адресату –
Агнессе Вагнеровой, дом 114,
улица Иммануила Канта.
Собственно говоря, даже не письмо,
а просто потёртый треугольник полевой почты.
Он не решился написать

«Адресат неизвестен»
и вернуть письмо в отделение связи.
Среди штукатурки лежала туфля.
Аугуст Матушка приподнял фуражку:
“Пани Агнешка, пришло письмо
Вашей туфле”
и вложил в неё треугольник –
простой почтальон второго разряда.

А на Вашего почтальона
Вы можете положиться?

БУКЕТИК

Говорила я: “Не ходи туда, Ванечка!
Лежит – и пусть лежит себе.”
Не послушался...
Да разве, живые, вы будете слушать женщину.
А мёртвым вам всё безразлично.
Вчера подписали кашитуляцию.
Я-то думала ты на свадьбу
хотел нарвать для меня
букетик.

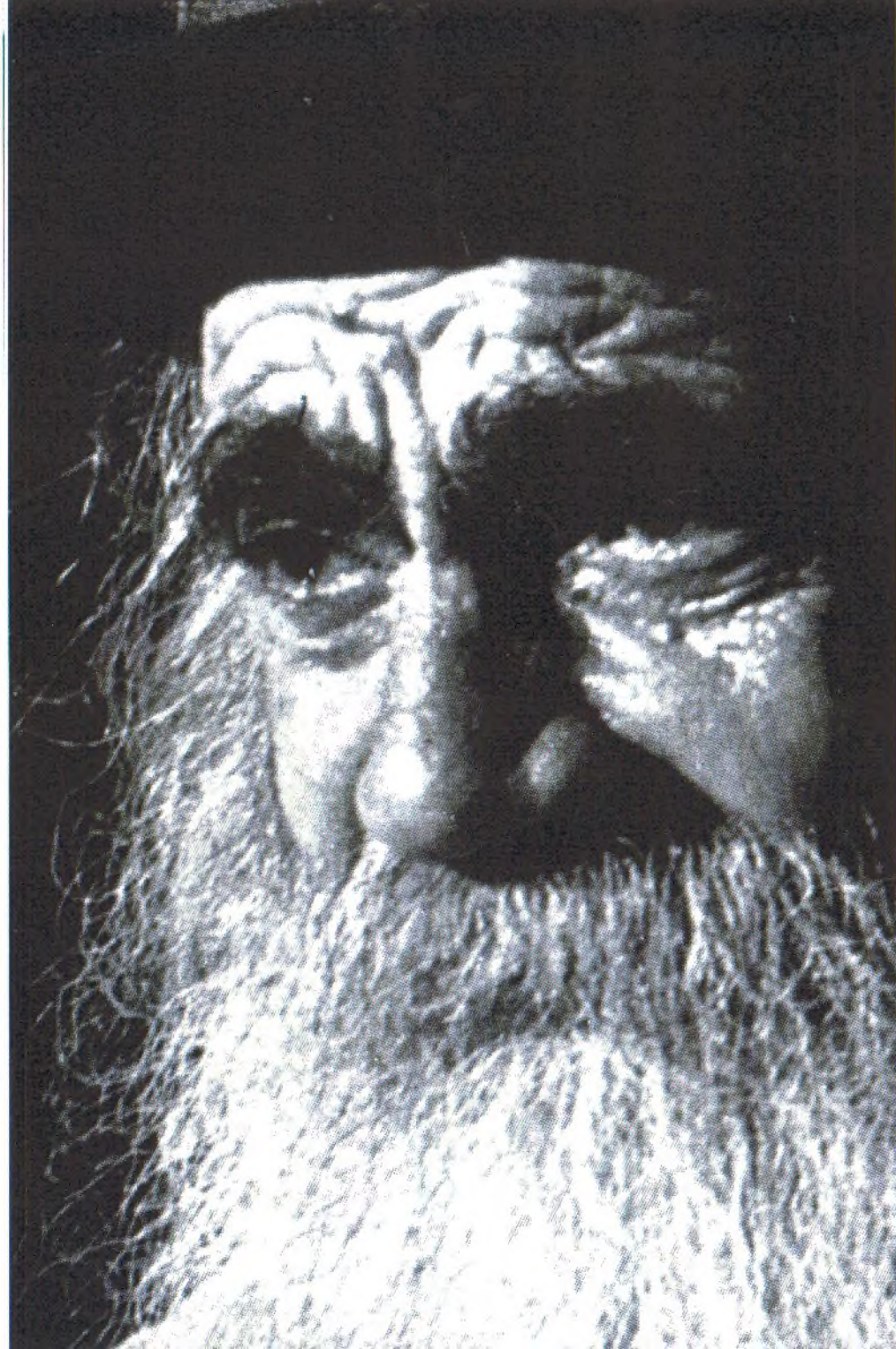
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Лучше всего спится после войны.
Перед войной на душе не спокойно:
будет? не будет? Раздвинешь шторы –
щупальца прожекторов кружат над городом,
и под дождём грузовики тычутся, как неприкаянные;
радио надрывается, речи сменяются маршами;
в сейфах за семью печатями – планы
мобилизации. Человек просыпается неожиданно, и небо,
ему кажется, объято пожаром.

На войне тоже не поспишь –
вечно что-нибудь да случается:
загремит пулемёт, жажнет мина или
укусит вошь. Как тут уснуть?
А когда, наконец, станет тихо,
совершенно, абсолютно тихо, –
тут-то тебе вдруг оттяпает ногу.
Даже обидно – опять не до сна.
Ничего удивительного – всю жизнь проходил на двоих
и вдруг – на тебе – стал одноногим.
Тут уж не уснёшь с непривычки.

Лучше всего спится в первый день после войны –
Не добудишься и соловьями.
Гражданские мечутся, как очумелые, а солдат
заляжет и - будьте здоровы!
Лишь бы не трезвонил над ухом будильник
(хватит с него полевых телефонов).
Снятся солдату товарищи спящие, которых никто уже
не разбудит. Больше всего – они ему снятся.

В первый день после войны пробуждёнью
не радуешься: проснёшься и сам не знаешь,
то ли радоваться, что всё это пережил,
то ли плакать...

СТЕНА

На старом кладбище построили стену
со странной мозаикой из имён и фамилий:
Адамов, Берг, Цилек, Давидов, Эмилей,
Файвлов, Иаковов - из евреев.

На всех – один надгробный камень,
холодный, гладкий, в серых прожилках.
На эту могилу не приносили букетов,
над ней не склонялись плакучие ивы,
никто не приходил к ней по воскресеньям,
не протирал мокрой тряпкой буквы.

Однажды пришла к стене этой женщина
и нашла на стене своё имя.

Ей говорили – “Это ошибка.

Пани, Вы же совсем живая.

Глядите – у Вас же капуста в кошёлке.”

А она глядела на своё имя,
гладила его тонким, почти детским пальцем
и говорила: “Нет, нет, всё правильно –
так и должно быть - вот здесь,
между Яном и Иосифом.”

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Может быть, это было; может быть, - только будет...

С последней войны возвращается
последний военный духовой оркестр:
три барабана, три геликона, тарелки, бубен
и одна, попавшая сюда совершенно случайно,
флейта. За оркестром шагает ефрейтор запаса:
“Левой! Левой! В ногу!...” А в ногу идти некому.

На плече у ефрейтора свёрнутое знамя,
пропитанное радиоактивной пылью,
светящееся каждой складкой,
но светло, и свеченья не видно.

“Ах, майн либер Готт, - вздыхает ефрейтор, -
такая прекрасная военная музыка,
и ни один мальчишка
не бежит за оркестром.”

СОЛНЫШКО

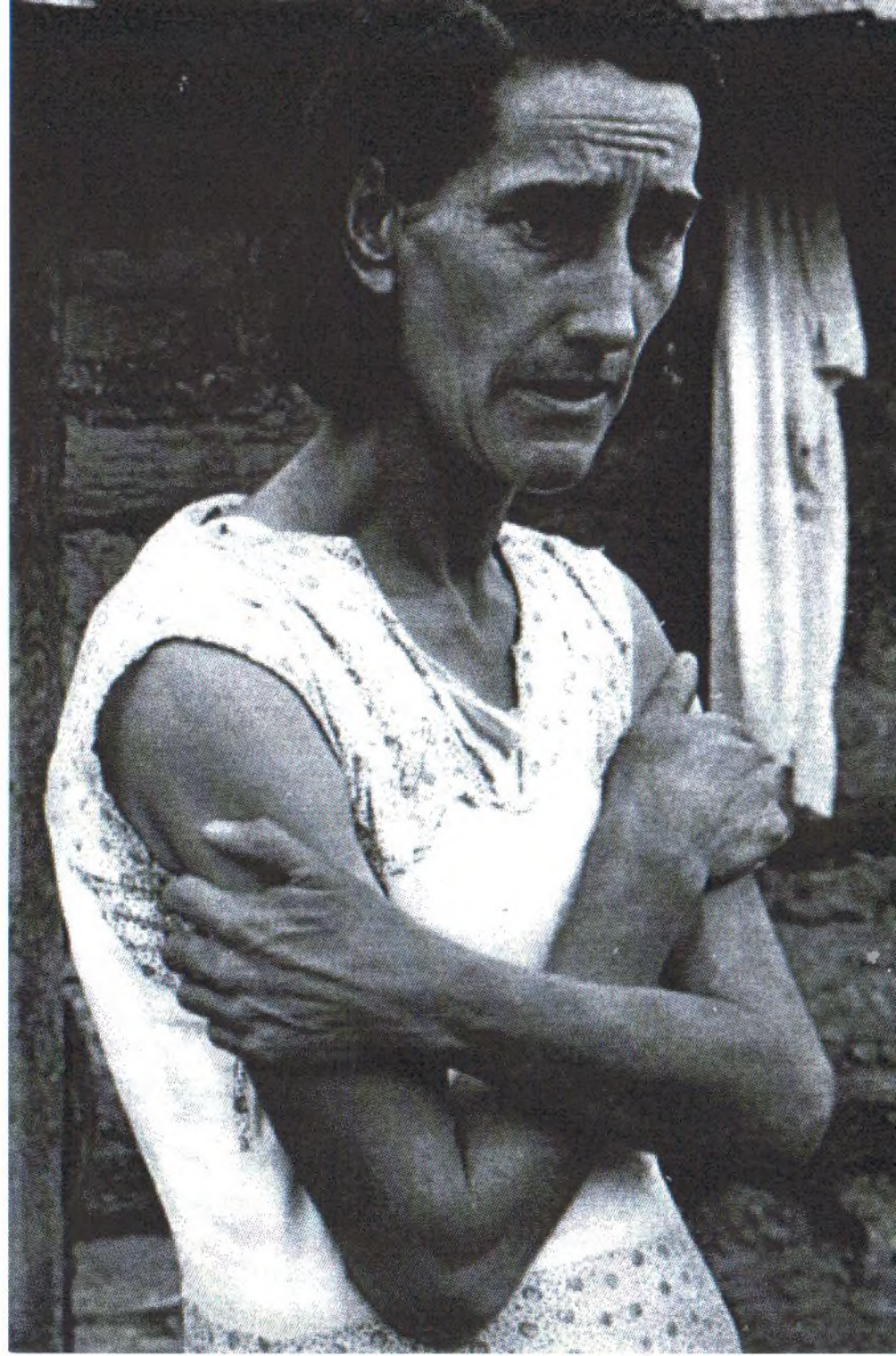
Больше всего дети любят всё уменьшительное,
всё, рядом с чем они сами б казались большими.
Солнце дети называют «солнышко». Это нас
умиляет – одно пятно на солнце
больше всей нашей планеты.
В один летний полдень маленькая японка,
глядя на небо, сказала матери:
“Мама, смотри – грибочек!”

НАГАСАКИ

Пей, сыночка, пей, яблочко,
весь в ямочках, весь в язвочках,
весь в рубчиках, подпалинках,
недоубитый, маленький.
Пей молочко, пей белое,
пей, пёстрый, обгорелый мой,
пей горькое, солёное,
мой худенький, зелёный мой,
родившийся не вовремя,
безвинно приговоренный.
Открой глазёнки сонные,
соси его, солёное,
мой солнышко заплаканный,
хоть слёзоньку, хоть капоньку,
мой сыночка, мой крошечка,
отравленный немножечко.

ВОСПРИЯТИЕ

В маленьком заплёванном кинотеатришке,
когда война уже месяц как кончилась,
я смотрел специальный выпуск
о первых днях мира в Европе.
Фельдмаршал Кейтель подписывал капитуляцию
в ослепительных молниях –
не Божьего гнева, а всего лишь всплеск
ламп фотокорреспондентов. Возникали кадры салюта Победы:
в Лондоне на Трафальгарской площади,
а потом - в Москве на Красной площади,
а потом – на Таймс-сквер в Нью-Йорке.
Фонтаны ракетами били в небо,
Триумфальная Арка в Париже
была высвечена двенадцатью прожекторами,
незнакомые целовались на улицах со страстью влюбленных,
оркестры играли вальсы Штрауса...
А в тёмном зале за моей спиной
какая-то женщина шептала мужу:
“Ну теперь-то, когда война уже кончилась,
хоть бы и ты перестал шпынять меня...”

БОСОНОГАЯ

Ей приснился серебристый голос клаксона.
Она стояла у окна стоэтажного здания,
а здание было из стекла и стали.

- Кто б мог приехать за мною? -

Сверкали на солнце автомобильные стёкла,
и гудок был похож на сигналы по радио
или на звон утреннего будильника.

- Не думайте, пожалуйста, я - не такая, -
бормотала она, сбегая по лестнице,
покрытой пушистым пурпурным плюшем, -
Я только посмотреть, кто это сигналил!

А в машине сидел красавец-мужчина,
который сказал ей:

"Вы забыли наверху свои туфли."

Она бросилась наверх, но туфель там не было,
зато стоял огромный гардероб,
все полки которого были забиты
капроновыми чулками,
и только туфель нигде не было.

А он всё сигналил, а потом уехал.

Господи! - плакала девушка, кусая губы. -

Такой красивый, такой представительный!

И на что мне сдались эти туфли?!

Надо было босиком поехать мне, дуре!

ГЛАЗ

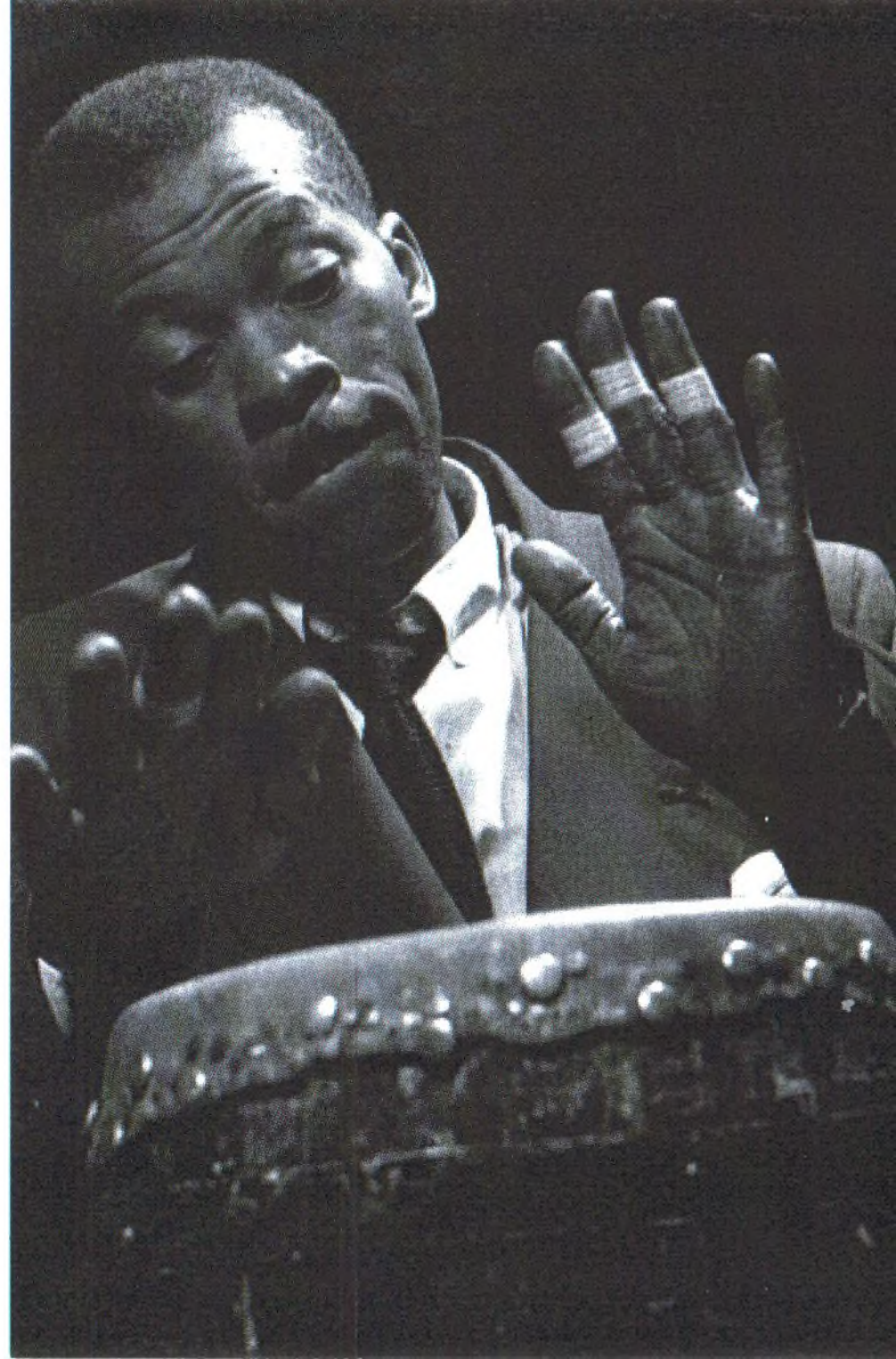
Это даже не было автомобильной катастрофой,
но, тем не менее,
одна синьора осталась без глаза,
светло-голубого с зелёным оттенком.
Оплакав свой глаз оставшимся глазом,
она дала объявление в газету:
"Куплю глаз.
Светло-голубой с зелёным оттенком.
В хорошей сохранности.
Срочно. Цена не имеет значения.
С предложениями обращаться в редакцию
до востребования."
Мадонна миа,
сколько пришло предложений!
Наконец, нашёлся и нужный оттенок.
Операция прошла успешно.
Новый глаз мерцал и слезился,
выражал печаль и блаженство,
умел метать молнии
и щуриться от наслаждения.
У глаза был один недостаток –
точечка, пятнышко под самым веком,
очертаниями напоминающее
корочку хлеба.

МОЛИТВА

Милый Боженька!
Теперь, когда мне стало немножечко лучше –
спасибо Тебе и профессору Бартоломео –
исполни, пожалуйста, ещё одну мою просьбу:
как-нибудь постарайся заставить его трезвым –
Ты ведь знаешь, кого я имею в виду,
заставь его побриться и внуши ему мысль
наломать белой сирени –
Ты ведь знаешь место, где много сирени, –
и привези его ко мне – сюда ходит шестнадцатый номер –
извини, я ведь знаю, что Ты это знаешь,
но я просто хотела напомнить –
и, главное, верни мир в его голову,
которую Ты напомнил безумием
по причинам, Тебе только ведомым...
Пока я жива, мы должны быть вместе.

СВЯЗЬ

Наверно, он был чудаком, этот парень,
который первым
забарабанил.
Наверно, была для того причина.
Наверное, верил,
что его услышат. Потому что просто так барабанят
только дети, сердце и дождь.
А он чего-то страстно хотел или страшно
боялся. Кричал,
но крик поглотила чаща.
Тогда он палкой стал колотить по стволам:
там! там! тарадам!
Многое с тех пор изменилось -
погасли костры у входов в пещеры,
а там-тамы гремят лишь на танцах
в торжественных случаях -
в честь приезда английской королевы
или советской партийно-правительственной
делегации. Служба связи продолжает работу.
Мир, как корзина, оплетен электро-магнитными волнами.
В каморках, палатках, отелях, пещерах
волнуются приливы, отливы:
пять минут для женщин,
театр у микрофона,
репортаж о хоккейном матче...
Светятся кошачьи зрачки радиоприёмников
и пальцы радаров ощупывают темноту.
Слышно, как бьётся сердце собаки
на Спутнике, облетающем Землю,
мы знаем даже, в котором часу она ела...
В это бескрайнее море,
искатели приключений,
мы бросаемся, очертя голову, и волны
смыкаются над ныряльщиками.
Связи налажены и работают.
Но вот за столиком сидят двое,
касаются друг друга локтями или коленями...
И не воспринимают друг друга -
настроены на разные волны.
Грохочут тревожные барабаны, трепещут
обнажённые кончики нервов...
И беззвучная скука окружает другого.

ТЕЛЕФОН

Милая, - смеётся первый, - ты ничего не знаешь?
Пан грибник, - бубнит следующий, - корзина для вас готова.
Не могу, - волнуется третий, - сам сию без денег. Где я тебе достану?
Сестра! - кричит четвёртый. - Скажите, что это неправда!
Сегодня в пол-пятого? Быть не может!
Конечно, - мурлычет пятый, - это всё еврейские штучки!
Карл, не клади трубку! Почему ты мне выкаешь, Карличек?
А седьмой долго ждёт в стеклянной кабине,
когда кто-нибудь подойдёт к телефону,
и только глухо стучит сердце...

БЛЮЗ О КВАРТПЛАТЕ

Кто была твоя мать? Кто была та
родившая тебя несчастная женщина?
Что ты твердишь мне «квартилата, квартилата, квартилата»,
а где мне взять деньги?
Подумай - ну что ты грозишь мне судом?
Оставь бумаги. Сядь рядом со мной на ступеньки.
Это же тюрьма, камень на шее, а не дом!
А ты всё твердишь мне: «платите, платите деньги!»
Спросил бы лучше - «Пани, сколько Вам лет?»
Нельзя же быть таким равнодушным.
Скажи мне - зачем мы родились на этот свет?
Чтобы так мучиться? Так кому это нужно?
Спросил бы - «Где сыновья? Где Ваш муж?»
Ах, они так далеко!

(Хоть бы ты оказался подальше!)

Старому человеку вечером так тяжело одному...
Ничего. Ты поймёшь это, когда станешь постарше.
Ну, пойдём. Осторожней. Пригнись.
Проводи меня по лестнице вниз,
по тёмной, скрипучей... В подвал без дна...
Проводи меня, будь кавалером,

предложи руку даме... А?

МУЖЧИНЫ

“Я бы привыкла, - говорила одноногая девочка, - если б они при виде женщины не смотрели прежде всего на ноги.”

- С чего ты взяла? - удивился мальчик, - Кому это надо - смотреть на твои ноги?

“А я давно уже это знаю. Мужчины смотрят сначала на ноги, потом - в лицо.”

Мальчик заспорил -

Я должен бы знать это. Я ведь - мужчина.

“Ты? - усмехнулась одноногая девочка. -

Ты ещё мальчик, ты только мальчик.”

КРАСОТА

Это произошло, это было в Париже, на верхней площадке Эйфелевой башни - сама Красота пришла на конкурс красавиц, но её не пустили, потому что она явилась без приглашения. Красота печально спустилась по винтовой лестнице, перешла мост через Сену и села на скамейку в саду Трокадеро. Возле неё присели влюблённые, и девушка щебетала: “Ах, мой идеал - Антигона”, беспокоясь при этом о спустившейся петле на чулке. На конкурсе была избрана Мисс Вселенная, которой вручили чек на пятьсот тысяч франков. Мисс поплевала на чек - на счастье - и спрятала его в вырез лифа из поролона. А Красота мечтала о признании, о признании хоть на минуту. Ей давно не признавались в любви и не говорили, как она красива. Красота была одета слегка старомодно - в платье из дешёвой тёмно-зелёной материи, в хлопчато-бумажных чулках и туфлях без каблуков, разношенных, как у Чаплина. Давно не видали её улыбки - улыбки князя Мышкина, дон Кихота, Маленького Принца, девочки со спичками из сказки Андерсена... И снова никто не видел, как она улыбнулась, а она улыбнулась, честное слово, только было очень темно.

МАРИХУАНА

Лампа сочится светом, как рана...
Марихуана, марихуана...
Подушка измята и простыни рваны...
Марихуана, марихуана...
 Ночью крошечной неслышно встану...
 Марихуана, марихуана...
 Солоны губы, язык – как стеклянный...
 Марихуана, марихуана...
А что же мне делать? А делать что мне?
Я ничего не хочу уже помнить!
Приходится жить, пока жизнь не кончится...
А жить не хочется, ей-богу, не хочется!..

СИГАРЕТЫ

Не оставляйте женщин без сигарет,
серьёзно говорю – не оставляйте.
Попросят, не попросят – дайте закурить.
Им нравится огонь, любой огонь,
им нравится играть с огнём,
и красный огонёк,
горящий в темноте...
Курится дым, и курят двое, а за ним,
за синим облачком, - не разглядишь,
всерьёз ли - нет ли говорят.
Перед рассветом – темнота
и сигареты огонёк –
как электрический фонарь.
Но вдруг случится так,
что вдруг погаснет огонёк,
и она – одна,
и не у кого попросить...
Не оставляйте женщин без сигарет.

ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

В некоем городе - предположим, в Испании - люди терпеливо стояли за счастьем. Счастье продавалось в пакетиках, перевязанных ниткой, с надписью «Фелицитас». В каждом пакетике были: стёклышко с радугой, пряник, горстка пахучих трав, молочный зуб и монетка. Словом, на сто пятьдесят грам^м счастья. Кое-кто стоял в очереди с рождения. Одна женщина попросила: Пожалуйста, не забудьте - я буду за Вами, мне нужно отойти за хлебом (или на свадьбу, а может, на похороны), не забудьте, пожалуйста, мучас грасиас^с / Она пришла к морю, где тёплые волны перемывали песчинки и лёгкая пена гладила усталые ноги. "Я была бы так счастлива, - подумала женщина, - если б не надо было опять возвращаться в очередь за счастьем."

СУДЬБА

В одном провинциальном музее
стояла модернистская статуя.
В каталог она была внесена

под названием «Судьба».

Остановился перед статуей студент геодезии.

Долго стоял, размышляя:

“Судьба? Нет, мы с ней незнакомы...”

Ночью ему приснилась прекрасная статуя.

Выше гигантского небоскрёба,

она нависла

над узкой улицей

и между людьми искала избранника.

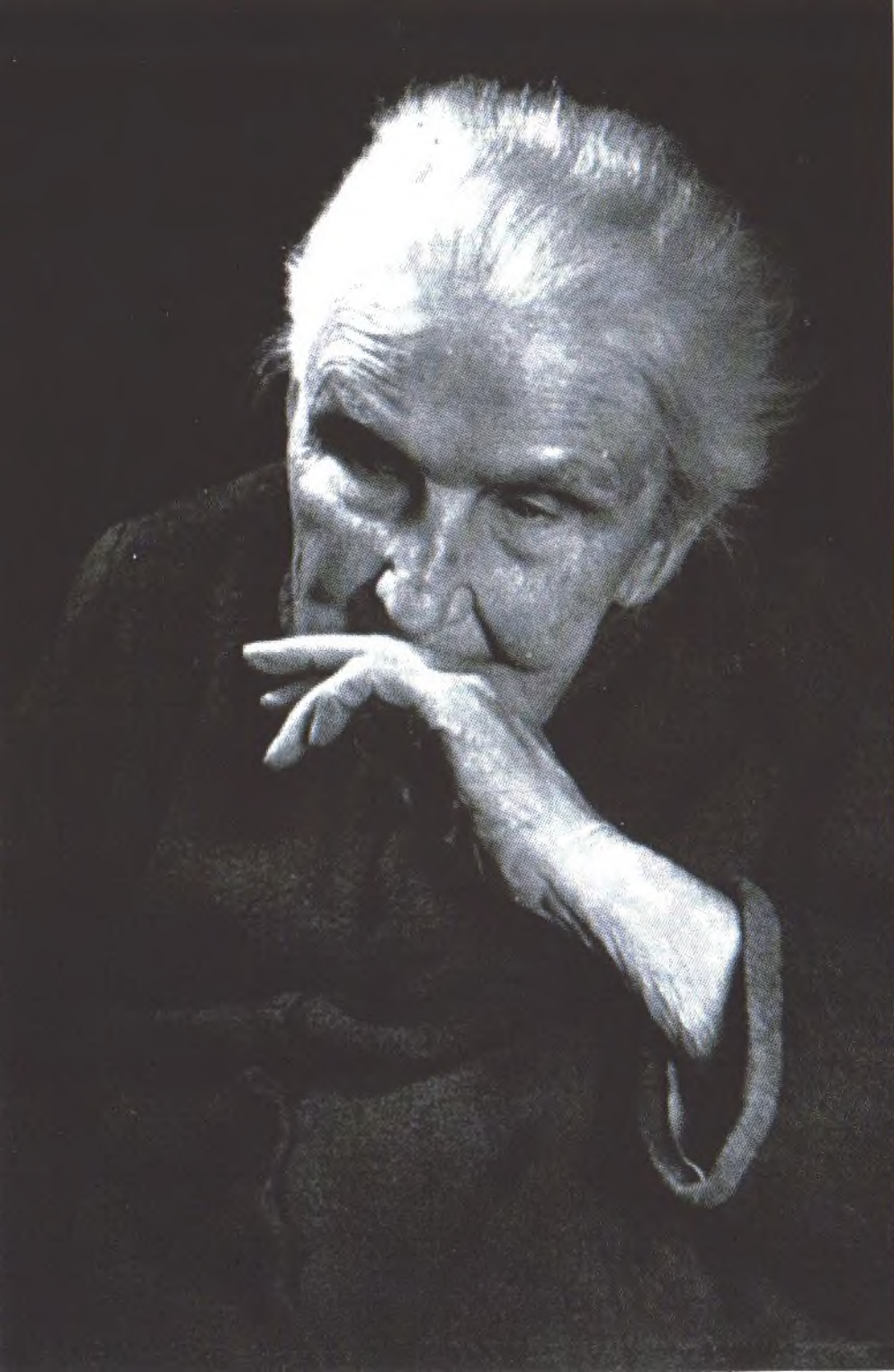
Подняла его на плоской ладони,

вперилась в лицо деревянными глазами,

прошептала: “Он? Нет, не этот!”,

повернула ладонь и уронила его на асфальт,
опять в толпу.

КАРТИНКИ

Старик-китаец сел в поезд впервые в жизни.
Всё ему нравилось,
но больше всего – картинки в окне вагона,
словно нарисованные китайской тушью
рукою уличного художника:

пухлые облака, пологие холмы,
маленькие деревушки, одинокие джонки
на глади пурпурового озера...

«Если б только узнать,
кто меняет картинки в этой деревянной раме,
я бы спросил его, - думал китаец, -
Сколько стоит такая картинка?
Ну хоть самая простенькая –
с юношей в лодке, скользящей по лунной дорожке,
и далёким голосом, зовущим с берега:
"Греби же сюда! Я заждаюсь тебя!"

Зачем же, господин, так часто менять
картинки,
почему б не оставить одну и ту же,
хотя бы вот эту, самую простенькую,
до конца, до конечной станции?... »

ПЕРЕКРЁСТОК

Перекрёсток часто превращается в крест для тех, кто колеблется в выборе. Где-то между античностью и средневековьем один человек – не совсем христианин, но и не то, чтоб язычник, – скорее эпикуреец: любитель выпить в хорошей компании, ценитель вин и знаток женщин (последнее, конечно, ему лишь казалось) – дошёл до перекрёстка и остановился: Направо? Налево? Вперёд? Возвратиться? Так и остался он на перекрёстке, где на него вскоре наткнулся вооружённый отряд крестоносцев, следовавший походным порядком к месту своего назначения.

“Что за человек? – раздражённо осведомился начальник. – Почему одет не по форме? На что глязет? Чего вылупился? Ты за кого – за нас или этих...?” Последний вопрос был задан уже, скорей, по привычке. И так было ясно, что пойман лазутчик, собирающий данные о стратегическом перекрёстке, и каждый солдат достал из котомки по одному гвоздю (или, по крайней мере, по гвоздику) и человек этот, с должной сноровкой, был распят на указателе у перекрёстка. Вот и всё. Простая ошибка. Они спокойно могли оставить его торчать на перекрёстке, этого покладистого толстяка с оскорбительно безмятежным выражением на детски невинной физиономии. Он бы ещё помахал им рукою и крикнул вдогонку “Как насчёт по глоточку фалернского?..”

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Радио я Вам почию, не бойтесь.
Послушайте лучше то,
чего Вам не скажут по радио.
Знаете? – старый Галлей объявился.
Ну да – тот астроном. Он – на комете,
которую сам открыл, которую называли
Господней десницей, метлой человечества...
Так он там себе живёт –
комната в бельэтаже, в самом хвосте кометы,
с горячей водой, с паровым отоплением,
с газом. У них с кометой
джентельменское соглашение:
комета его возит бесплатно
за то, что он её открыл.
А раз в 79 лет
они пролетают как раз над Англией.
Так что я хотел сказать Вам
прежде, чем я кончу чинить Ваше радио,
знаете что – до тех пор, пока это в наших возможностях,
не стоит огорчать старого Галлея.
Представляете себе его разочарование,
если он, вернувшись, не обнаружит
ни своего клуба, ни университета,
ни поля для гольфа,
ни вообще, может быть, Англии?
А, может, попробуем ещё 79 лет?
Ну что нам стоит?

56

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ

Останется шкатулка с фотографиями.
В гости к бабушке явятся внуки, откроют шкатулку...
Вот будет радости! Глядите – запонки! магнитофонная лента!
Зачем ты, бабушка, сохранила всё это?
“Я б дала вам послушать, - подумает бабушка, -
дыхание дедушки, его шопот и песенки,
да боюсь покраснеть от смущения.”
И сядет бабушка за фортепиано,
почти такое же, как в прошлом веке,
такое чёрное, с жёлтыми клавишами,
и сыграет наивный рок-энд-ролл,
и все будут покачивать головами,
слушая старую, ласковую и ненавязчивую мелодию,
напоминающую о былых временах:
первых атомных электростанций,
первых спутников, желудочных зондов,
бормашин и нейлоновых свитеров...
И на лицах людей появится сентиментальная
и чуть насмешливая улыбка
людей, вспоминающих
доброе старое время.

КАК МЫ СДЕЛАЛИ МИР

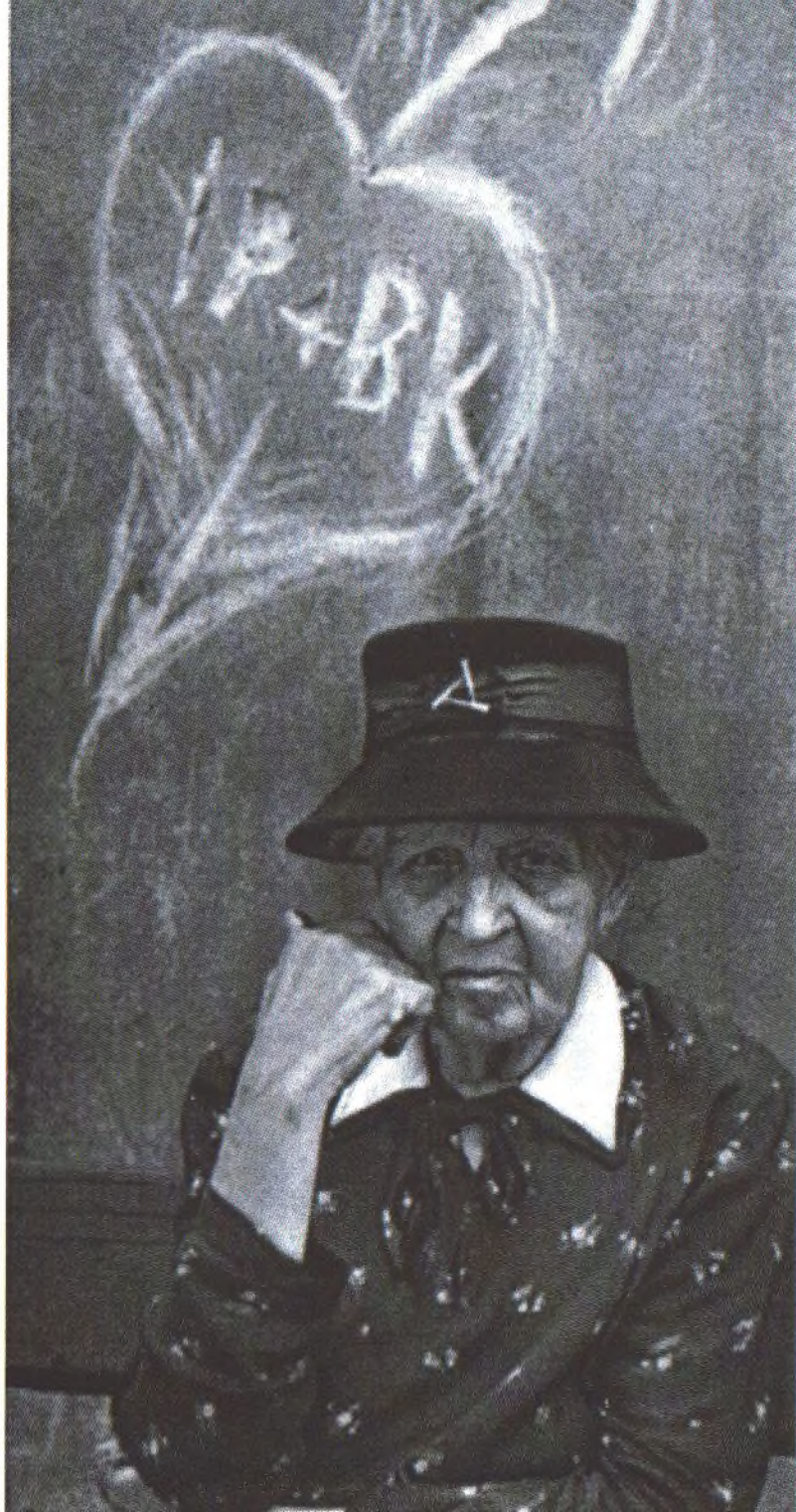
Маленькая девчушка сидела на горшочке и плакала.
Не надо смеяться – просто сидела и плакала.
Её звали Ева. Ну вот.
Прошло полчаса, а она всё плакала,
и никто не знал, о чём она плачет.
“Дай мне немножко слёз, - я сказал ей. –
Я их спрячу в чёрной шкатулке.”
Ей это понравилось – наплакала горсточку
и перестала. “Мама сказала, - шепнула мне Ева, -
что и я буду мамой.
У меня будет мальчик, большой и кудрявый,
и девочка, курносая, с косами.
Вдруг с ними что-нибудь случится...
Я так боюсь! Людвик, давай сделаем мир,
чтобы в нём никто ничего не боялся.”
Мы взялись за дело. И сделали Мир –
из пластилина, зелёный внутри и снаружи.
Вулканов мы не делали, границы стёрли,
казармы – не получились,
а для тюрем не хватило места.
Ева взяла весёлый пластилиновый Мир
с собою в постель и уснула. А я включил радио
и сел слушать вечерний выпуск последних известий.

HOW WE MADE A WORLD

A little girl was sitting on a potty and crying.
Please don't laugh. Merely sitting and crying.
Her name was Eva. Well?
A half hour passed, and she was still crying,
and nobody knew what the matter was.
"Give me some of your tears," I told her,
"I'll save them in a little black casket."
She liked that - cried me a handful and stopped.
"Mommy told me," she said, "that I'll be a mom someday, too.
I will have a little boy, round-cheeked and curly-haired,
and a little girl, snub-nosed with a pony-tail...
What if something happens to them? I am so scared.
Ludvik, let's make a world
where nobody will be afraid of anything..."
Well, we went to work and made a little world.
It was of plasticine, round and bright green.
We didn't make any volcanoes,
and didn't draw any borders.
There were neither jails nor barracks,
and there was no room for battle-fields.
Eva took this joyful plasticine world to bed with her
and fell asleep.
As for me, I turned down the light and sat,
listening to the nightly news on the radio.

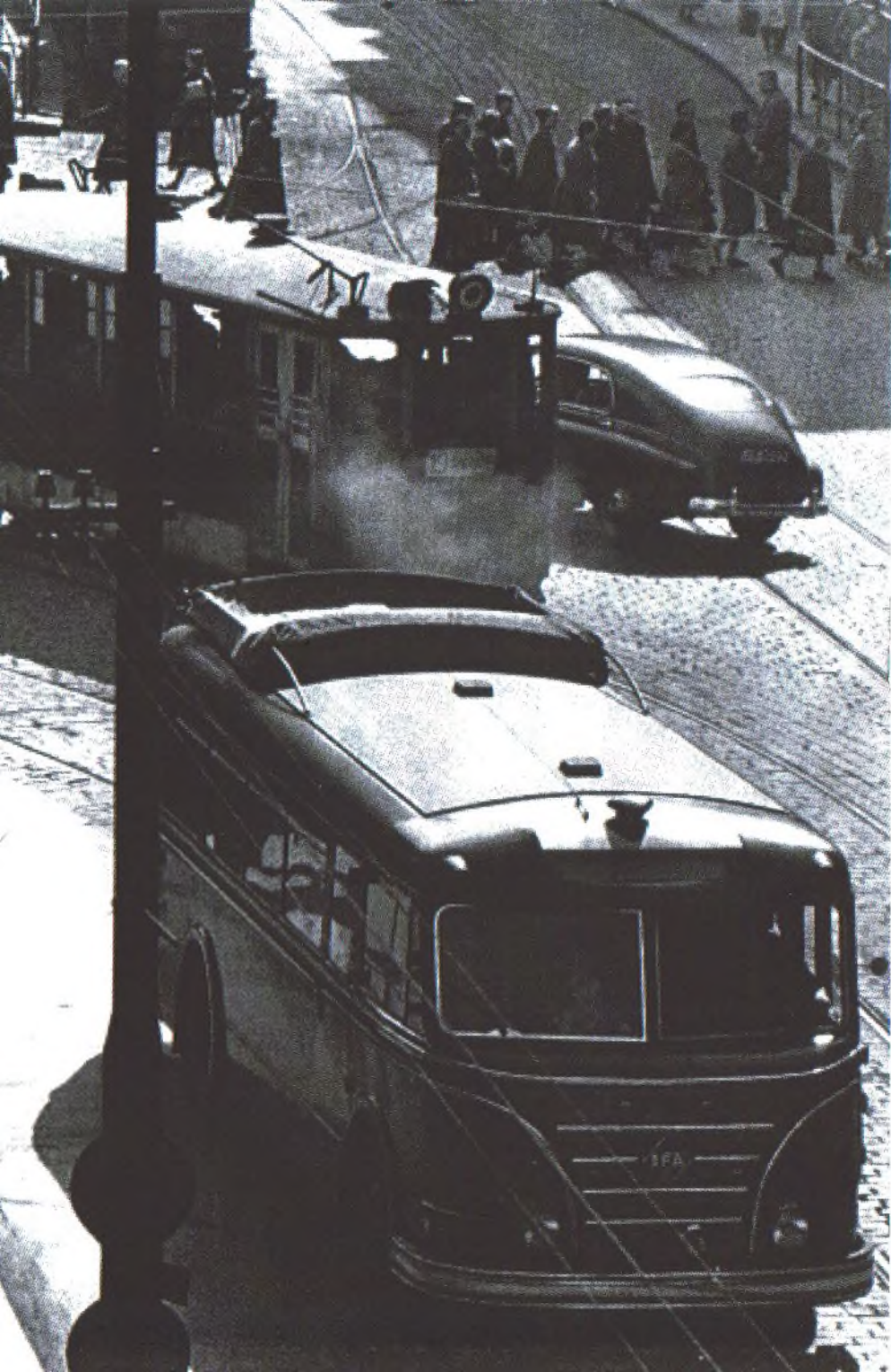
THE GOOD OLD DAYS

There will remain a little black box with some photos.
Grandchildren will come by their grandma.
She'll open the box, and all will gather round.
What a rumpus!
"Look, here are tapes! Cuff-links!
Why are you saving all of these, Grandma?"
"Well," thinks Grandma, "I could
let you hear your Granddad's breathing,
things he used to whisper and sing to me,
but I am afraid I would blush with embarrassment."
And so, instead, she will sit at the piano,
almost the same, black with ivory keys,
almost the same as the one from the previous century,
and will play an old, naïve rock'n'roll for them. *i*
And everybody will rock their heads,
listening to this lovely music -
so soft, delicious, and untroubled -
reminding them of the remote past
with its first nuclear power stations,
primitive Satellites, dental drills, gastric probes, *52*
and nylon turtlenecks... And on their faces
there will appear a somewhat gentle, sentimental,
and slightly ironic smile of people who recall
the good old days.

A PROPHET

Before I mend this fish-net,
I'll tell you what's new -
D'you know
old Halley appeared.
Yes, that astronomer.
He lives on the comet he discovered,
which they called all kinds of names
in fear and ignorance,
but now it bears his name.
So that's where old Halley lives.
He bunks way down
in the fiery tail.
He's got central heating there
and hot water, and gas.
Halley and his comet,
they've made an agreement.
The comet will carry him about for free
in exchange for his having discovered it.
And once every seventy-nine years,
Halley gets to look at old England.
That's the agreement.
He'll arrive here again in several decades.
So what I'd like to tell you,
before I finish the net, is,
'Let's watch while we're still here.
We mustn't disappoint old Halley. After all,
imagine how he'd feel
if he couldn't find his golf course,
his club, or London, or England as a whole.
After that, we've got another seventy-nine years, eh?'

A CROSS-ROAD

A cross-road becomes a cross
for those who hesitate in choosing.
Once upon a time, between antiquity and medievity,
one man - neither a doctrinal Christian
nor a pagan, rather an Epicurean,
a lover of pleasant parties,
connoisseur of wine and expert in women
(the latter he surely just imagined) -
reached a cross-road and stopped.
To go right? Or left? To go ahead?
Or to come back home?
But, after all, he was delayed at the cross-road,
just where he was found by a platoon
of armored mercenaries
marching to their destination point.
"Who is this?" the commander inquired, irritated,
"Why isn't he properly dressed? What is he staring at?
What is his world view? What party does he belong to?"
The last question was asked rather by custom.
It was absolutely obvious that this was a spy
gathering data about the cross-road.
And each soldier took out a nail from his knapsack,
and the man was skillfully crucified at the road-sign.
That's all. This was a simple mistake.
They could have left him standing at the cross-road,
this compliant, portly fellow
with an insultingly serene expression
on his childishly innocent face.
He would even have waved to them and shouted,
"How about a sip of Phalern?"

PICTURES

A Chinese peasant was taking a train for the first time.
He liked everything, but best of all
were the pictures outside the windows.
As if Nature, like a street painter,
drew them in Chinese ink:
chubby clouds,
sloping hills,
hidden villages,
and junks scattered throughout the purple lake water.

"If only I knew
who changed the pictures
in the wooden frame,"
he said to himself, "if only I met him,
the person who changed these pictures,
I'd probably tell him something like,

'Sir, what is the price of the very small picture,
the little picture of a boy in a boat
(and let the boat rock on a moon-path)
and a gentle voice from a distance
calling, 'Row to me, I'm waiting.'

Sir, why do you switch pictures so fast?
Why can't we keep one of them, even the smallest one,
until the Terminal?"

THE DESTINY

In a certain second-rate museum,
there was a modernist woman-like statue.
It was listed in the catalogue as "Destiny."
A student of geodesy
stood for a long time in front of the statue.
"Destiny? We haven't met before."
That night, he dreamed of the beautiful statue.
Taller than an enormous skyscraper,
it leaned towards the crowded boulevard
and looked for a destined among the people.
She picked him up from the multitude,
put him on her narrow flat palm,
examined him with her hard eyes, and whispered
"Is it him? No, he isn't."
Then she turned her flat palm over,
and dropped him onto the earth,
back into the crowd.

THE LINE FOR HAPPINESS

In a certain city, let's say, in Spain,
the people patiently stood in the line for happiness.
Happiness was sold in bags, weighed out in advance,
little cellophane bags, inscribed "Felicitas."
Each bag contained a piece of glass with rainbow, one gingerbread,
a handful of fragrant herbs, a milk-tooth, and a penny.
In all, six ounces of happiness.
Some had been standing in line all their lives.
Once in a while, a woman said,
"Please keep my place - I have to buy some bread.
(Or - go to a wedding, or to a funeral.)
Please do not forget me. Muchas gracias."
And she would go to a seashore,
where waves washed over the sand,
and warm foam stroked her tired ankles.
"Oh, I'd be so happy," the woman thought,
"if I didn't have to go back in the line for happiness."

BEAUTY

Once upon a time, it was in Paris,
as a matter of fact, at the top of the Eiffel tower.
Beauty herself entered a beauty contest,
but she wasn't allowed to stay
because she came uninvited
and, moreover, she didn't have a ticket.
Beauty sadly descended the spiral staircase
and crossed the bridge over the Seine,
and then she sat down on a bench at Trokadero.
Near her, sat a pair of lovers,
and the lass twittered "Oh, Antigone, she is my idol!"
while thinking of a run in her stocking.

Meanwhile, they declared Miss Universe,
who was given a cheque for 50,000 francs.
She spat on it for good luck
and hid it in her foam-plastic bodice.

"Oh," Beauty said to herself,
"I'd like so much to be declared. Even for a short time."
It had been a long time since anybody declared love to her.
Her clothes were a little old fashioned,
more like a boy's than a pretty woman's.
She wore a green corduroy suit, cheap cotton stockings,
and flat-heeled shoes, too broken in for a woman,
so she walked in them almost like Charlie Chaplin.
People have rarely seen her smile recently, ^{and}
the smile of Prince Myshkin, Don Quixote,
Andersen's girl-with-matches, or the Little Prince from a far-off planet.
Yet, at that moment she really smiled,
but it was too dark,
and again nobody saw it.

MEN

"I could get used to it," said the one-legged girl, "if they didn't look first at a woman's legs."
"Who on earth told you that?" asked the boy, "What are you saying? Who cares about watching women's legs?"
"I've known this for a long time." the girl replied, "Men look at the legs before they glance at the face."
"I would know if it was so," the boy objected. "I'm a man."
"You?" the one-legged girl smiled sadly. "You are only a boy, my sweetheart."

RENT BLUES

Why do you pester me all this day, honey?
Why d'you speak to me like that?
Why are you bubbling at me "Money, money, and money" -
Do you think I can pull it out of my hat?
I'm not gonna call any damn lawyer.
Why go to court? And who will be a judge?
This old doghouse in a basement! This burrow!
Show me a lawyer whom it makes budge!
Take no heed of my hawking and coughing.
What do you think how old I am?
You'd better treat me to a cup of coffee
And tell me - where is the world I came from?
Please sit down beside me on this miserable threshold.
Put away this piece of paper. What is it for?
Would you care, "Where are your menfolk?"
They all passed away. Could you do any more?
If you were a bit more concerned about me,
You'd ask, "Ma'am, have you really gone all this through?"
Sit down by me on this tumbledown staircase.
All these stones sit on my heart; it is true.
The life is over, no matter whether
We'll reach the bottom of this hole. Say,
My dear boy, "Let's come down together".
A gentleman should offer his hand to a lady.
Watch your forehead, okay?

COMMUNICATIONS

He must've been a little bit wacky, that guy who invented drumming.

He should have a reason and believe he's being heard, because nobody drums just like that for himself, only children, the rain, and the heart do.

But he was terribly excited or terribly frightened.

He shouted at the top of his voice, but the scream was swallowed by the jungle. So, he grabbed a stick and began to pound on trunks: tom-tom, tom-tom-tom.

Since then, much has changed. Fires on hilltops have been quenched, and tom-toms only sound in exclusive cases - like dances to welcome

Her Majesty the Queen

or the Soviet Party-and-Government Delegation.

Nevertheless, communications are in order.

The world, like a cracked pot, is wired together, turned around with electromagnetic waves.

They reach each garret, camp tent, cave, and apartment...

A radio show, a half-hour for women, world hockey championship... Luminescent eyes look in the darkness, and fingers of radars touch the sky.

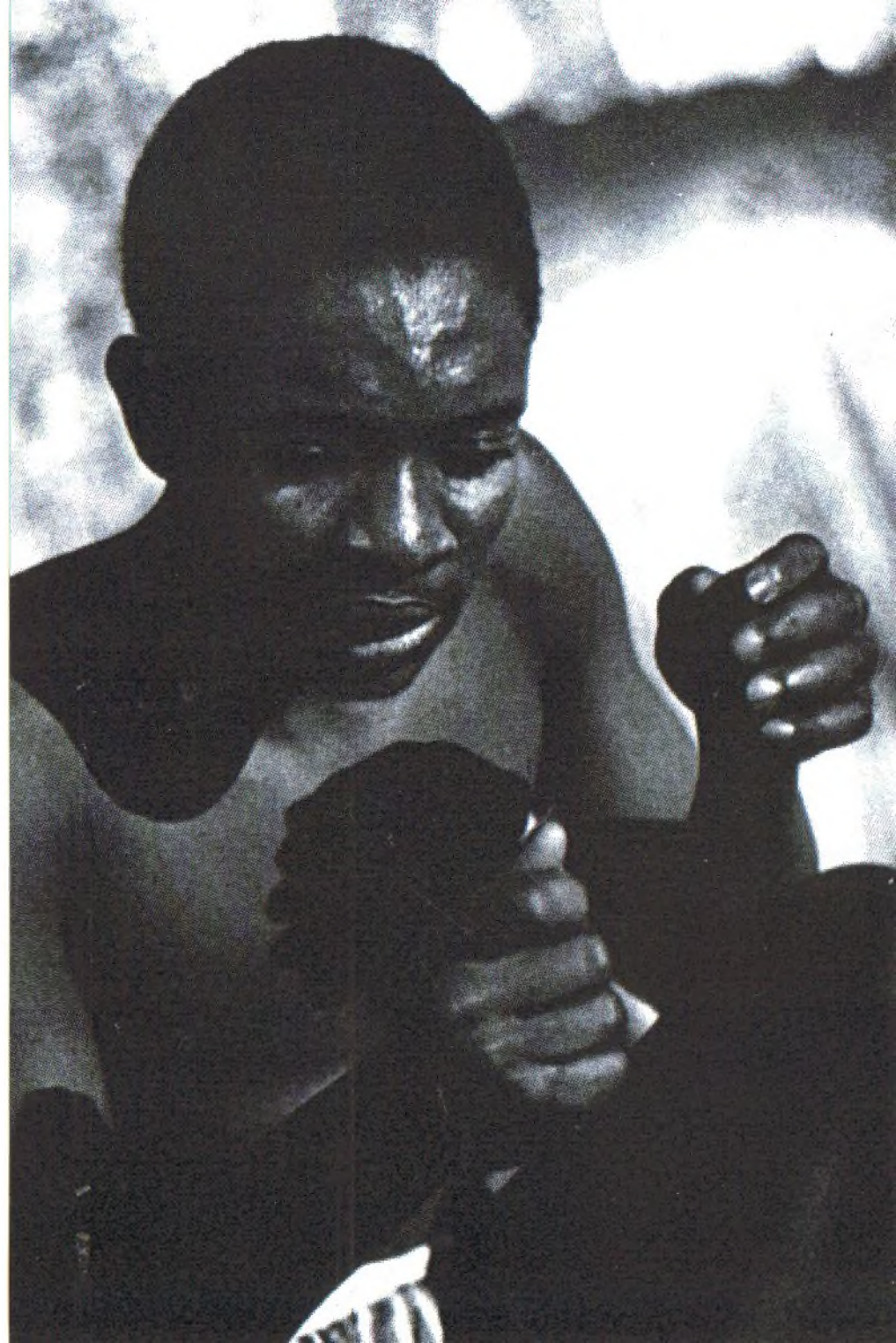
We hear the heartbeat of a dog orbiting the Earth and know at what time it ate. In this boundless ocean, seekers of impressions, we jump headlong,

and the waves close around the divers.

Communications are working, true.

But here, at the table, two are sitting, touching elbows, even knees - and often they can't hear each other. They just aren't tuned in.

And while the drums are thundering, and one's raw synopses are shivering, the other is enclosed in toxic boredom...

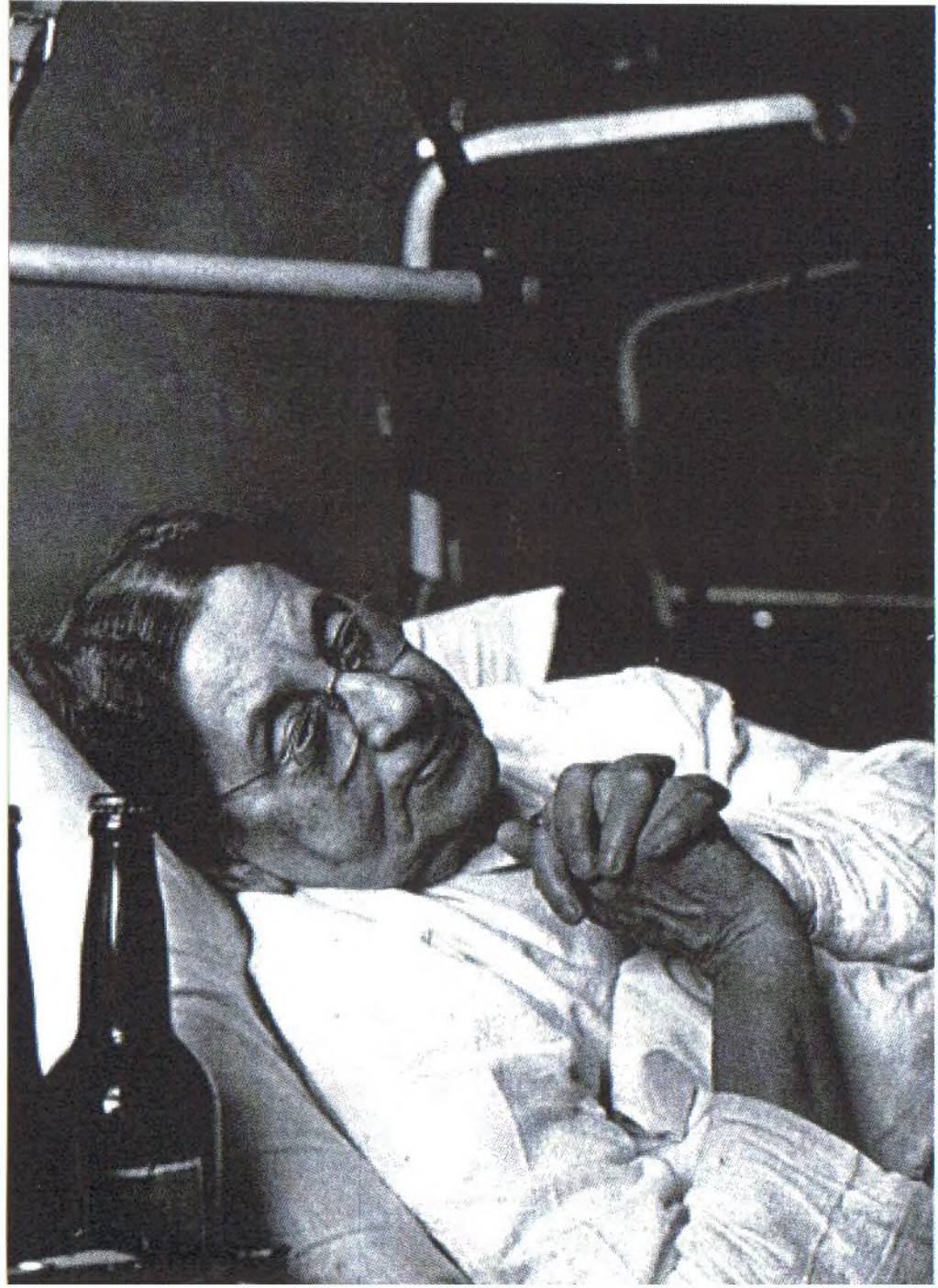

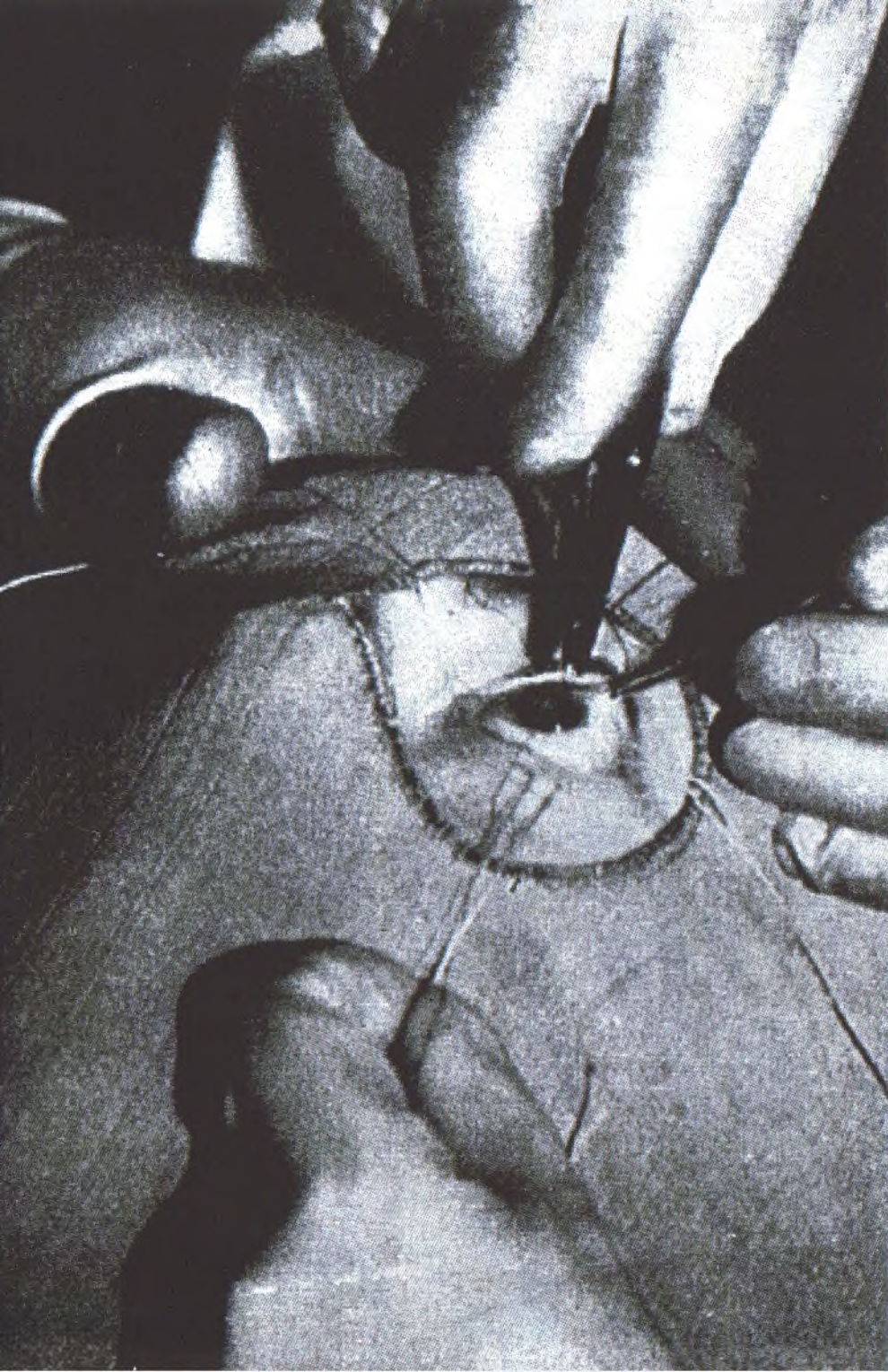
THE TELEPHONE

"Darling," bursts one, "do you know the news?"
"Mister Fisher," says the second, "Your fish-mesh is ready."
"I can't," the third mumbles, "I myself am in the red. Where woul I get it?"
"Nurse," the fourth gasps, "It's impossible!
This morning at half past seven? Please don't tell me it's true."
"I heard," croaks the fifth, "This is all Jewish trickery."
"Charles, don't hang up. Why do you call me Miss? Oh, Charlie..."
Meanwhile, the seventh is waiting inside a glass booth
if anyone picks up the receiver, and only the heart-beat echoes back.

A PRAYER

Dear God,
now, when everything has turned out so well,
thanks to You and Professor Bartholomew,
grant me one more wish -
let him, You know who I mean, come during visiting hours
and, dear God, make him shave and be sober,
and take him to the garden, You know
where those white geraniums are blooming now,
and whisper to him "Pick her an armful."
And bring him here - he should take tram sixteen -
I know You know it, I'm just reminding.
And most importantly, give peace back to his poor mind
which You troubled for reasons You alone know.
So that he's not lonely when there can be
the two of us.

THE EYE

It wasn't even a bad traffic accident,
but one signora lost her pale blue eye.
She wept for her eye with the remaining one,
and then she placed an ad in the Messagero:
"Wanted an eye, in good condition,
pale blue, with a light tint of green.
Urgent. The price is no object.
Write poste restante, the Messagero."
Madonna mia, what a flood of suggestions appeared!
Finally, an eye of the right tint was found.
The operation was truly successful.
The new eye could wink and weep,
was capable of looking sorrowful and devoted.
It could flash with lightning,
narrow in a bliss,
and shed compassion.
The eye had a single flaw -
a little spot,
a tiny blot,
a dot beneath the very eyelid,
with the outline of a bread-crust.

A BAREFOOT

She heard in a dream a silver horn honk.
She looked out of her window,
which was in a new modern building
with a facade made entirely of glass and titanium.
"Who honks his horn and comes for me?"
The shiny car windows slid down, and music sounded
not like a radio signal, but rather like a music box.
"Cut that out, I won't fall for that. I may be poor,
but I am a good girl," she muttered, running down the
staircase
covered with red plush carpet,
"I'm only gonna see who is honking here."
There was a terribly handsome gentleman in the car, and he
said,
"You forgot your shoes upstairs."
So she went upstairs for her shoes, but couldn't find them.
She had a big wardrobe filled with silk stockings
all the way to the top, but no shoes.
Meanwhile, the gentleman honked and honked, and then drove
off.
"Dear God," she wept, "what are You doing to me?
Such a smart man, the nicest one in the whole big city.
Fool, why didn't I go barefoot?"

ATTITUDES

It was a tiny local cinema
in a neglected town, a month after the war.
There I saw a newsreel picturing
the first days of peace in Europe.
There was Feldmarschall Keitel
after signing the Berlin surrender
under the lightning, not from the Heaven
but only from newspapermen and photographers.
I remember the shots of fireworks
on Trafalgar Square in London
and simultaneously on Red Square in Moscow,
and simultaneously on Times Square in New York.
There was water spurting out of fountains;
the sky was blushed with flares,
and the Arc de Triomphe was snatched from darkness
by twelve searchlights.
Strangers in the street embraced passionately like lovers,
and all the orchestras played "It's a long way..."
And a woman in the row behind me told her husband,
"Now, when the war is over, maybe you, too, will stop paining me,
will ya?"

A MILITARY BAND

Nobody knows if it has happened or only will happen.
The last military band is returning from the last battle.
Two helicons, two saxophones, kettle-drums,
and one, absolutely accidental, uncalled-for flute.
A sergeant-in-reserve is marching behind the orchestra,
commanding it to keep in step. But who follows?
He carries a furlled banner, soaked with radioactive dust,
shining with each wrinkle. But it is daytime,
and its luminescence is invisible.
"Ah, du lieber Gott," sighed the sergeant,
"such lovely military music,
and not a single boy is running around..."

THE FIRST DAY

The best sleep is after a war.

Before a war, you're uneasy. Will it happen? Won't it?
You open a window. Fingers of searchlights cross overhead,
and trucks rumble under the rain like crazy, not knowing where to go.
Somebody is yelling into a microphone, and loudspeakers
substitute declarations for marches
and vice versa. Alternative mobilization schedules
are deposited in triple-sealed envelopes in safes.
Something keeps waking you up. It's as if
someone is setting heavens on fire.

During a war, you also never quite sleep as you wish.
Something always happens - rations don't come,
the trench is flooded, a machine-gun barks,
a mine booms, a louse bites, or artillery hits.
That will rouse you too.
And when all is still, absolutely, completely still, suddenly
something tears out your leg.
And then sleep won't come either.
No wonder. All your life you had two,
and suddenly you're short of a leg. Sleep won't come easily
when you're not all there.

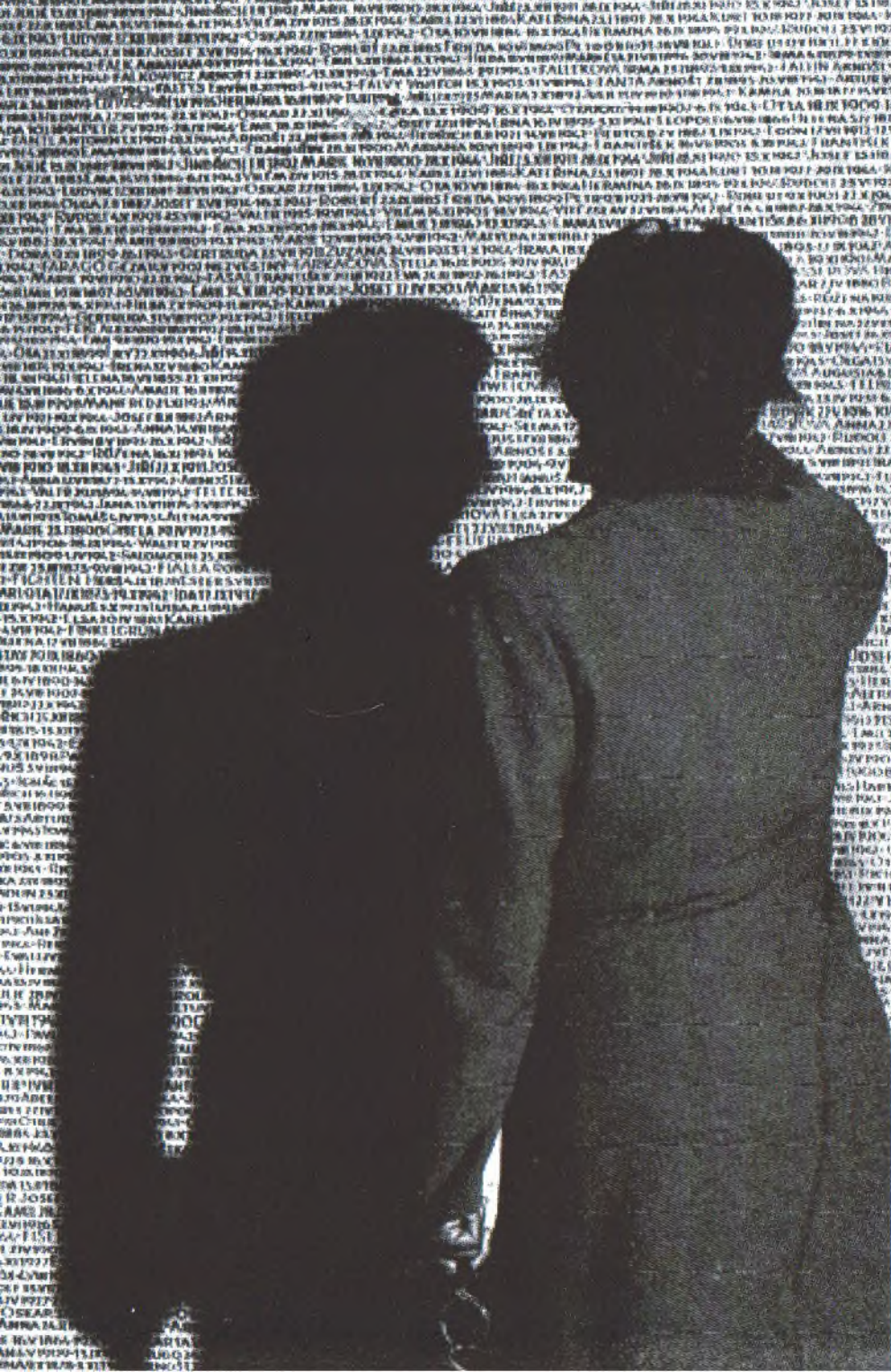
The best sleep is on the first day after a war.
Not even nightingales wake you.
Civilians can run their heads off,
but a soldier drops - wherever he can
as long as there's no alarmclock nearby, no telephone.
He dreams of buddies who went to sleep, never to awaken.
He dreams of them the most.

The first day, you don't like to wake up. You don't know
whether to laugh because you've survived. Or to weep.

FLOWERS

I told you, "Don't go there, Vanechka."
I told you, "Let it be there."
But does a living man obey a woman?
And dead men do not bother with them either.
Yesterday they signed the surrender.
If you'd listened to me, silly,
we would have had them at our wedding,
these flowers.

A STONE WALL

More than 77,000 Czech and Slovak Jews died of the hands of the Nazis during World War II. Their names are inscribed on a stone wall inside the old Prague synagogue.

There was a stone wall erected in an ancient temple,
with a strange mosaic of letters and figures,
of names and surnames,
of Adams, Berthas, Ciporas, Davids,
Emiles, Frannies, Isaacs, Josephs,
in short, of Jews.
A common tombstone for all of them, together,
so cool, smooth, with thin streaks on the surface.
There were no flowers beside this stone,
no weeping willows bowing before it.
Nobody came on Sundays
to wipe the letters with a moist cloth.
One day, a woman came to this stone wall
and found her name carved into its surface.
She was told, "This is a mistake!
Look, you are quite alive.
Listen here! you have cabbage in your shopping basket."
Yet she kept on looking at her name,
touching it with her thin,
almost childish finger and said,
"No, no, it's quite correct. I should be here,
right between Jan and Joseph."

BALLAD OF A MAILMAN

In the morning on May 9, 1945,
Anno Domini,
mailman August Matushka
reached Immanuel Kant Boulevard
and found out that the street no longer existed.
Only a street-sign hanging in the air,
only some soot-covered façades, Te
and, naturally, black holes in the windows,
and, naturally, doors opened to nowhere,
and, naturally, an unwound bobbin of black thread,
and, naturally, somebody's hair ribbon,
and ash, ash, a lot of ash, naturally.
Luckily, August Matushka
had only a single letter to deliver,
addressed to Agnes Wagnerova
on One Fourteen Immanuel Kant Boulevard.
Not even a letter, merely a post card
with a postmark from an army mail-office.
There was lying a shoe amidst the debris.
He couldn't return the letter
where it came from and said, raising his pick-cap,
"Here is a mail to your shoe, Mrs. Agnes..."
And stuck the letter into the shoe,
a common third-rank mailman.

And can you count on your mailman?

OBITUARY FOR YOUNG MORITZ

Amidst the events of World War II
nobody recalled young Moritz.
His last query was to his schoolteacher,
"Where does the word 'ghetto' come from?
Perhaps it descends from
Goethe?"

SO BREATHE!

Climb out, take it easy, don't be scared.
What's for you in that sewer?
A sewer's for rats, not for such a cute Yid as you.
So then breathe, breathe a bit.
D'you have good lungs?
Such a nice fellow and hiding from us in a sewer!
What do they call you? Cohen or Katz? Rabinovicz?
So breathe, breathe, you can still breathe
for a little while.

ROADS

I'm not sure this is a true story - maybe, this is still going to happen.

One man, one of those who reverently believe in the validity of proverbs, common notions, and mother wit, believed that all roads led to Rome.

So, he walked and walked but he never got there.

Nonetheless, he kept on thinking

that roads are intended to reach the points which you aim at.

As a result, he found himself

in a place where he never wanted to go. What to do?

One day, in a country that was just being conquered, he stepped out of a column,

took off his helmet,

poured out his brandy ration from the belt flask,

and addressed a woman with a child on her back,

"I beg your pardon, I'm here by mistake.

Could I help to carry your baby?

And please don't look at me so hostilely.

I only wanted to go to Rome. Not with a rifle..."

This might result in a great world-wide scandal.

Luckily, there was a resourceful platoon commander, sergeant Zeithammel.

He immediately shot this men and ordered the corpse buried on the sidewalk.

And everybody in the platoon was furious with this fellow because he'd poured out his brandy on the road.

SCALES

Children like everything diminutive. Kids like everything beside which they appear distinguishable. Even the sun, they call Sunny. It's fairly touching - a single sunspot is many times larger than our whole planet. One day, a little Japanese girl looking at the sky said, "Look, mommy! Such a cute little mushroom!"

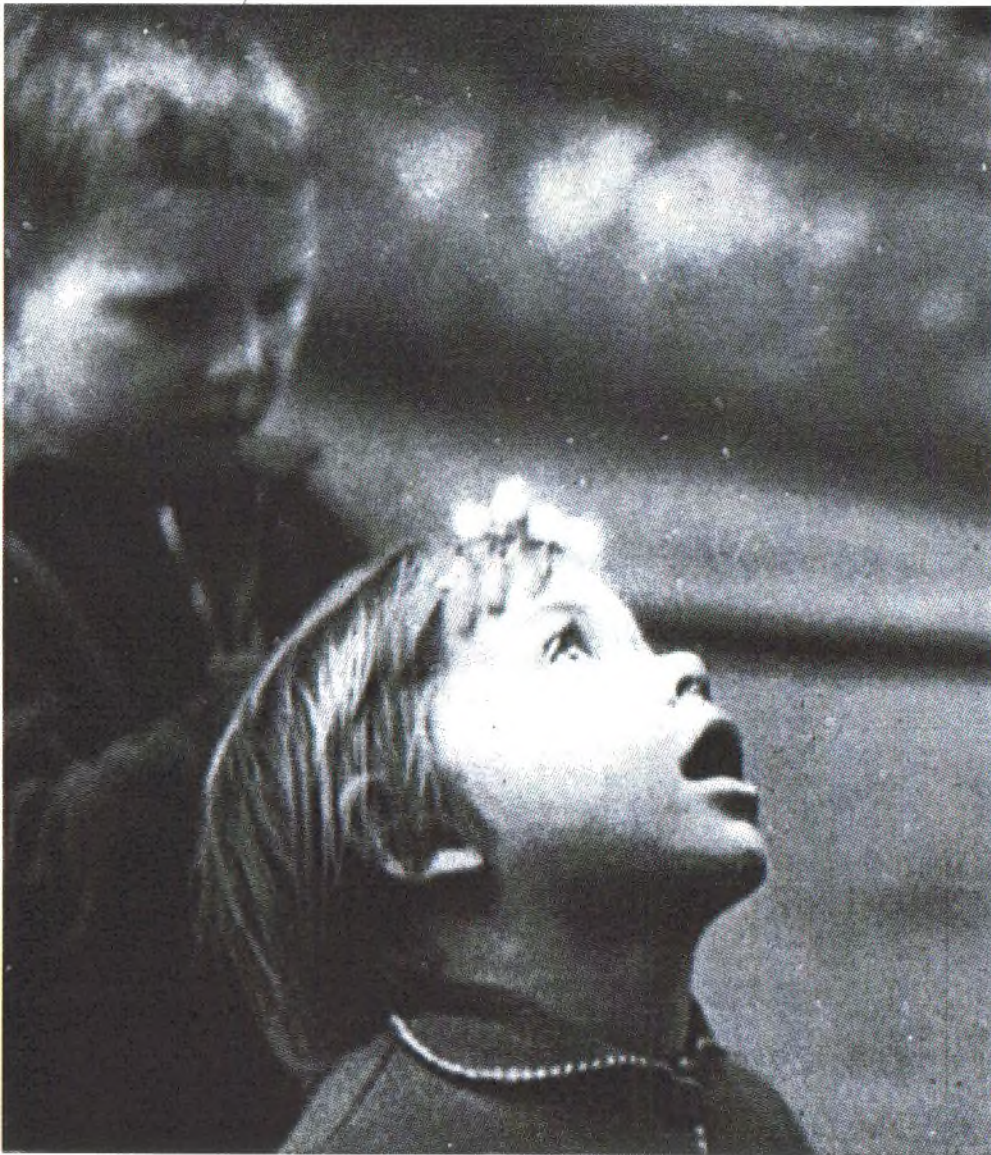
MARBLES

The most favorite human game is to play with marbles -
clay marbles, glass marbles, stone, golden, leaden marbles,
ones in their heads,
and the main Earth Marble, upon which we, ourselves
live rent-free without a landlord.
And the Earth Marble is as patient
as an old dray-horse is with children -
allows them to play on its back
and tries with all its might to keep them safe.
Take care, children!

WORDS OF WISDOM

One day a person finds out that he or she is a member
of a generation, starts wearing patched jeans
or a pony tail, carrying a book of Rimbaud
or a gold cross, broad-brimmed hat, or sneakers,
playing a guitar, or roller skating.
The parents don't understand them -
they are of a different generation.
They think that early to bed and early to rise...
makes you ... catch the worm.
Knowledge is power. The devil
finds work for idle hands.
Love can move mountains.
People who live in glass houses...
cast your bread upon the water...
and do not lean out of the windows.
Don't talk to strangers and the driver
while the bus is in motion.
Look out - wet paint. OK?
Each generation could take over the wisdom
stored by fathers and grandfathers.
But each generation
tries to start from the very onset.

QUESTIONS

The most difficult thing is
to answer children's questions.
The worst of all is
when they begin questioning,
Why? and What? and When? and Who?
and Why? again and again.
The worst is when they look at you
up from below
and ask questions,
looking with their open clear eyes -
brown, gray, green, or blue,
blue like the sky... with a black dot.
All of them were born after the war,
some - during the war, and others -
can it be before the war?

THE BARRIER

It takes a year, a whole year,
before a child understands
that the sky and the earth
are not barred by a barrier;
that the barrier is only a piece of lattice
hanging on two hooks.
And then the child rises
over his first barrier,
with both feet firm on the ground,
grins,
and nobody holds him.
From that day on, the mother
begins to fear for her son,
and she'll never stop...

WHO ARE YOU?

I'd really like to talk with you, my little baby.
To wait for your first words, to hear you say, "sky, water, grass..."
I'm whispering, "Who will you become? Who are you,
my stranger, my voiceless stranger?
Will you turn into a real man, a man like thousands,
smelling of hatred, whisky, and barrack sweat?..."
Will you really shout at someone,
'Go ahead, you bastards, until I knock your teeth out!'
Who are you, my baby? My silent golden Fishy...
What are you thinking about, looking at me
with your little slanted eyes?..."

A CRY

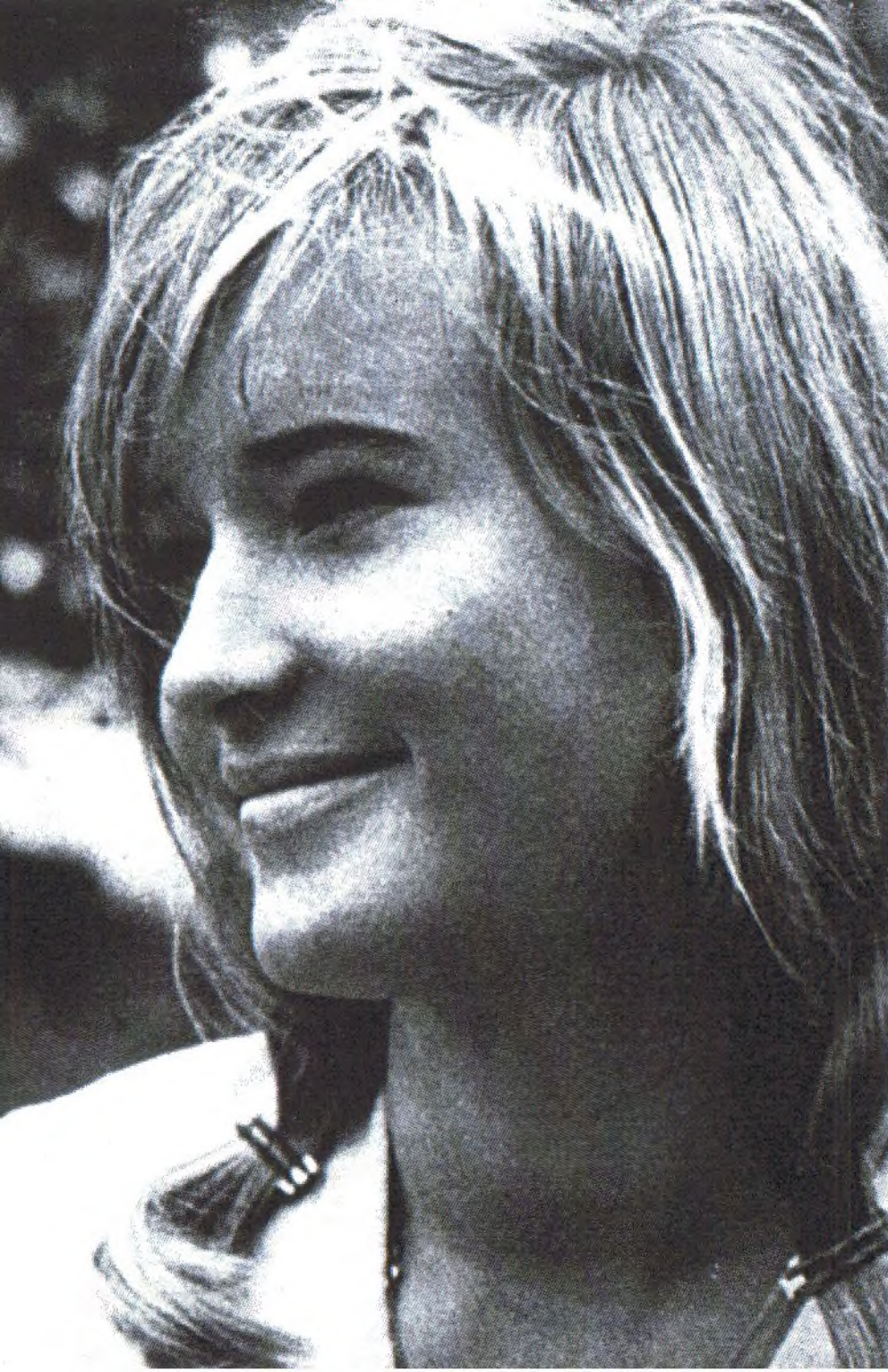
A human being is born
crying.
No one understands,
but everybody smiles.
"Here I am!" yells the newborn baby.
"I am here to stay.
Aren't you happy?
Was I born to good people?
In the right place?
In the proper epoch?
Is there a war threat?
Slavery - is it over?
My skin color,
My birth records -
Won't they spoil my life?
May I breathe?
So... thank you."

Then, suddenly, she got up and left,
herself a ballad in black and white,
one of those from her casket.
I couldn't keep her,
but she left those pictures overflowing my hands...

To all of you, so young and muscular,
entirely covered with bronze suntan,
to you especially,
to all of you, a generation
so purposeful, self-confident,
and hardly sentimental,
the author dedicates these verses
from A LITTLE BLACK CASKET.

DEDICATION

I met a girl, so beautiful and graceful,
resembling a collie-dog, so smart and alert.
Instead of a purse, she held a little box –
a little casket tied up with a string around.
“To each her own,” she said,
“but I am carrying the whole world with me.”
We went upstairs to an open restaurant.
And there, she untied her little box.
It was overflowed with snapshots,
nothing but photographs of people,
eyes and faces facing one another.
They all were bleached with light
and, at the same time, steeped in shadows -
voiceless ballads in black and white.

This happened the next day after
a human being first overcame the Earth gravity.
Above us, there was a multi-colored sunshade,
and golden Prague
lay underneath, all flooded with sunlight.
And the little casket was full of faces:

A mother with an empty bowl. A man on crutches.
A pretty girl asleep upon the staircase.
An old Chinese riding a train, the first time in his life.
A Jew, pulled from a sewer. An intellectual German
cleaning a machine gun. A black Madonna.
Another woman leaning against a wall. And children,
children - many pictures of children.

Tens of casual photos -
a family album of the Earth.

I said, “It’s terrible, the shouts of these eyes.”
I said again, “It’s terrible, the silence of these lips.”
“Take it along,” told me the girl resembling a collie-dog,
“and talk to them at night. But quietly, please, -
they can not bear yelling.”

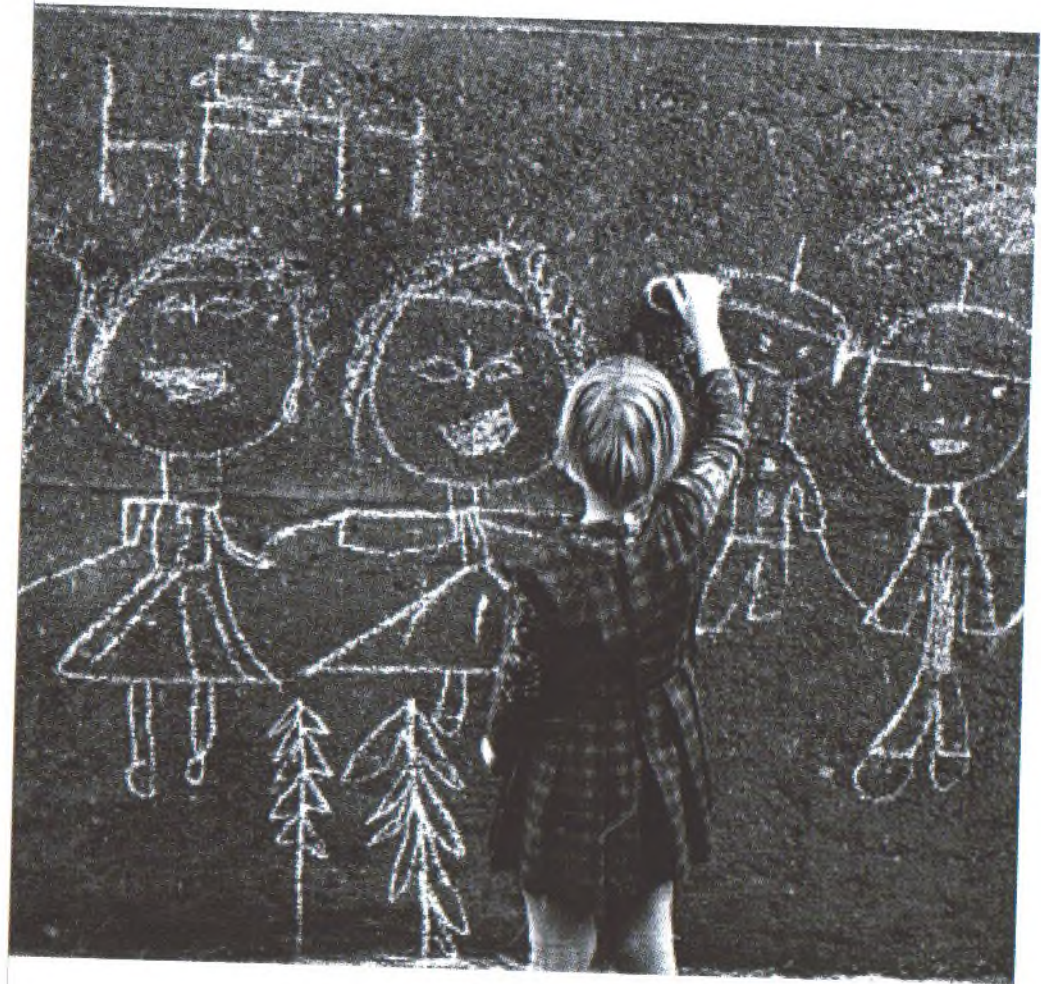
INTRODUCTION

Animals can't see themselves in mirrors.
They live in dread of death. And die. They fight.
Between the fights they breed.
They don't balance their lives before they pass away
and don't regret the past or passing.
Kant's dog looked at the world as if through
its master's eyes,
but it did not become a philosopher.
The animals need neither camera nor camera-creature.
They always can recede into the real jungle
from our jungle of thinking and recalling.
If a tiger
had a pocket on ~~his~~ belly, H his
he would not keep ~~his~~ ~~billets-doux~~
his billets-doux or pictures
or even tiny lock of golden fur in it.
But almost every one of us keeps
a photo-album on a shelf,
with oneself, with one's beloved,
with children, friends, and native land,
with memory
of one's own time -
what has and hasn't happened...

I met a girl...

TABLE of CONTENTS:

Introduction
Dedication
A cry
Who are you?
The barrier
Questions
Words of wisdom
Marbles
Scales
Roads
So breathe!
Obituary for young Moritz
Ballad of a mailman
A stone wall
Flowers
The first day
A military band
Attitudes
A barefoot
The eye
A prayer
The telephone
Communications
Rent blues
Men
Beauty
The line for happiness
The destiny
Pictures
A cross-road
A prophet
The good old days
How we made a world

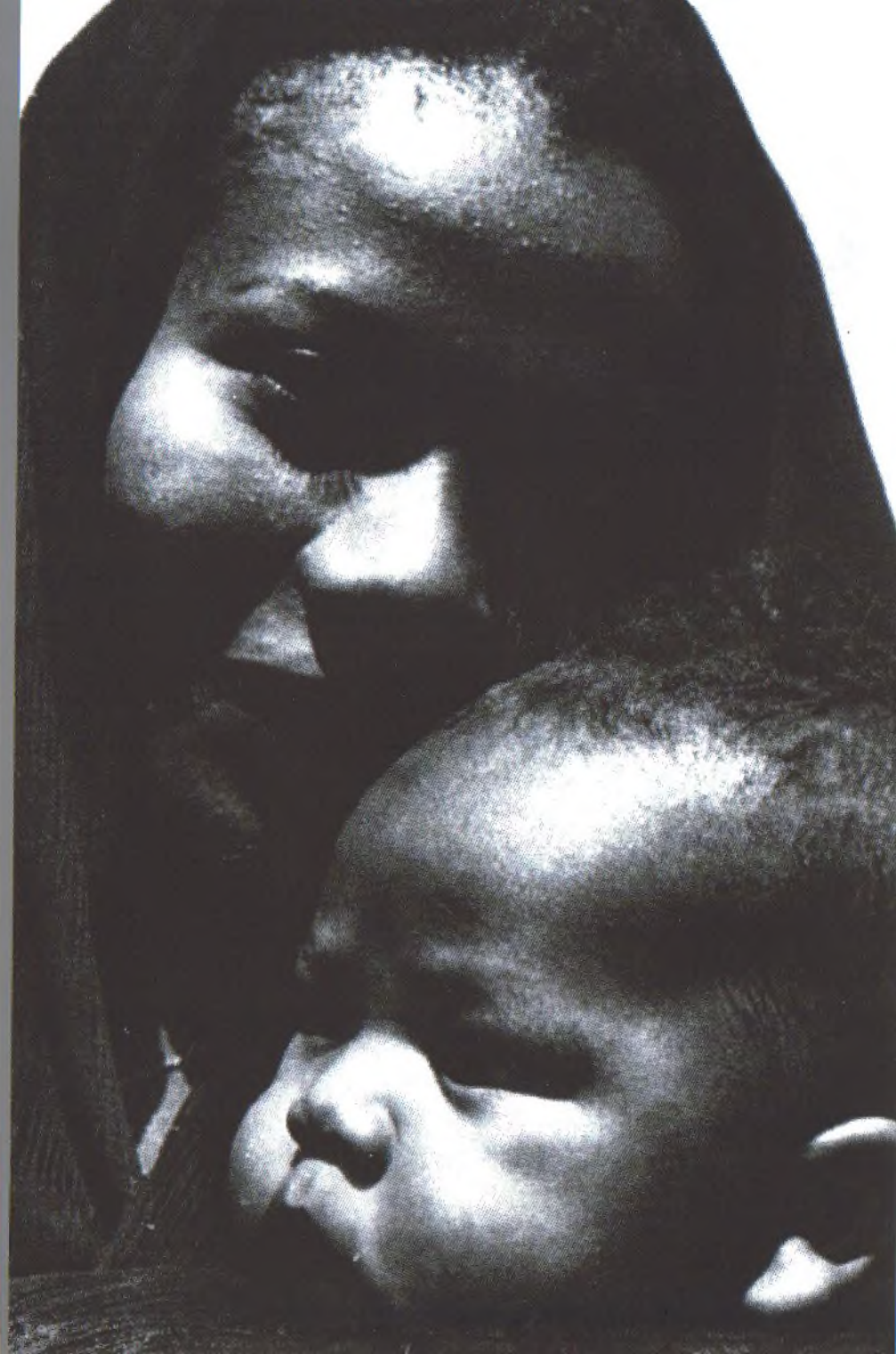
Ludvik Ashkenazy and his *Cerna Bedyňka* -
the translator's preface for American readers

Ludvik Ashkenazy was a well-known Czech writer of the sixties. His books, such as *May Stars*, *Brute*, *Sketches Childish and Not-Childish*, were very famous in Czechoslovakia, the USSR, Germany, and some other European countries. His most cherished book's title reads in Czech as *Cerna Bedyňka*. Its themes are as eternal as poetry itself: kids, women, war... as seen in our contemporary world that has become so small and vulnerable. Literal translation of this title into English as *A Little Black Casket* does not convey its exact meaning. Matter-of-factly, "bedyňka" in Czech, "die Schattulle" in German, or "shkatulka" in Russian mean a special box for personal stuff: rings and necklaces, or threads and buttons, or letters and photos. An old-fashioned camera and a book with its black cover could also be taken as "bedyňka", "shkatulka". Ashkenazy gathered his poetic images and some photos by Czech photographers under its lid. The English words of "jewelry box" or "chest" seem to be less suitable here than "casket", even though the latter is rather associated with "coffin". Yet perhaps this makes some sense too.

Cerna Bedyňka was published in Prague in 1964. In the mid-sixties, I translated this book into Russian. Some of the book's pieces were published and became fairly popular as one of "benchmarks" of that post-Stalin liberation period in the USSR. They were performed on the radio and in poetry readings by prominent actors, put to music by noted young composers Michael Tariverdiev and Alexey Rybnikov, and staged by student theaters. Several poems were included in the volume of Ashkenazy's selected works entitled *I Met People Everywhere* published in Moscow in 1967, at the very end of the so-called "thaw" period following the severe "winter" of Stalin's times. The entire book was to be published in 1969... But on August 20, 1968, Soviet troops invaded Czechoslovakia, and Ashkenazy's name, as well as those of many other Czechoslovak poets, writers, journalists, scientists, was no longer allowed to sound. Ashkenazy fled to Germany and would never see his beloved Prague again. He worked for the radio, writing radio plays and fairy tales, and died at the Italian town of Bolzano in 1986.

Ashkenazy's verses are written in diverse manners: from modern *dismetric verse libre* to naive traditional stanzas. He called his poems "songs, ballads, and tales". But to the reader they rather appeal as a kind of short plays where the author's voice alternates with voices of his characters, interlacing with each other. And even the most tragic themes of Ashkenazy's book are tinted with his peculiar Jewish humor.

Alexander Leyzerovich

**Ludvík
Aškenazy
Černá
bedýnka
Songy
balady
a romány
Mladá
fronta
1964**

Ludvik ASHKENAZY

A LITTLE BLACK CASKET
(songs, ballads, and tales)

*Translated from Czech
by Alexander Leyzerovich*

Москва, 1964 – Praha, 1966 - St. Louis, 1997 – Mountain View, 1999
Set up by S. Kreimer
2002, All Digital Club, Sunnyvale, CA

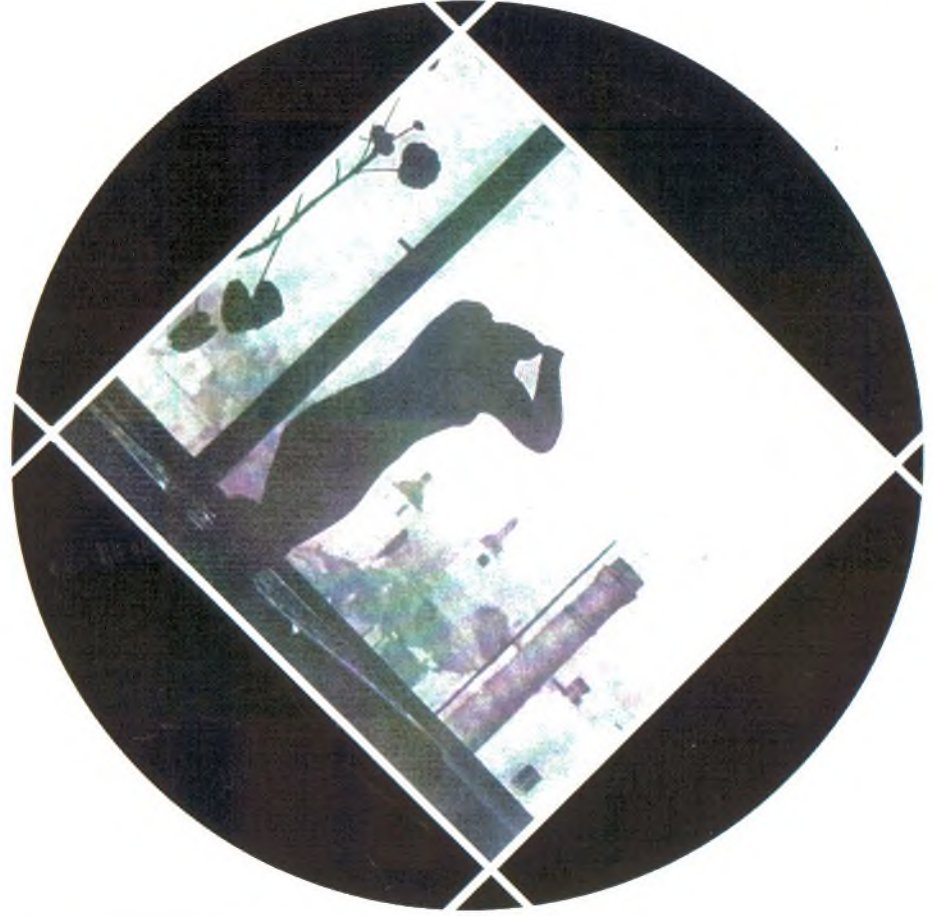
черная шкатулка

людвик ашкенази

людвик ашкенази ■ черная шкатулка ■ ludvik ashkenazy ■ a little black casket

ludvik ashkenazy

a little black casket